

**Военные
Приключения**

ОПАСНЫЕ ТРОПЫ

ИВАН ЦАЦУЛИН

Военные приключения

Иван Цацулин

Опасные тропы

«ВЕЧЕ»

1968

Цацулин И. К.

Опасные тропы / И. К. Цацулин — «ВЕЧЕ», 1968 — (Военные приключения)

Штат Северная Каролина, США. Форт Брэгг – один из центров подготовки агентуры для работы за «железным занавесом», в странах социалистического лагеря. Двое русских – Чурилин и Кныш – завершают прохождение курса выживания на вражеской территории. Вместе со «специалистом по России» Патриком Смитом Чурилин и Кныш нелегально переправляются через советскую границу. Один из шпионов исчезает, другой сразу идет с повинной в органы госбезопасности. Патрик Смит неистовствует. Кольцо вокруг него сжимается. Он решается на отчаянный шаг, чтобы уйти за кордон. Но чекисты заблаговременно разгадали его трюк и подготовили контрудар. На берегу пограничной реки закончилась «карьера» матерого шпиона. А за океаном главари разведывательного управления вынуждены были списать в пассив еще одну неудавшуюся операцию против СССР.

© Цацулин И. К., 1968

© ВЕЧЕ, 1968

Содержание

Часть первая	5
Глава первая	5
Глава вторая	12
Глава третья	16
Глава четвертая	19
Глава пятая	24
Глава шестая	28
Глава седьмая	32
Глава восьмая	35
Глава девятая	38
Глава десятая	41
Глава одиннадцатая	45
Глава двенадцатая	51
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Иван Цацулин

Опасные тропы

Часть первая

ШАГ К ПРОПАСТИ

Глава первая

Куда ни помотришь – всюду еловый лес. Черные стволы деревьев, кое-где мелкая поросль, поломанная, полусохшая. Под ногами чавкает зеленоватая жижа, болотные испарения мешают дышать.

Ни птицы, ни зверя. Тихо. Сумрачно.

Два человека в форме американских солдат в походном снаряжении, с оружием вышли на опушку. Грязные, небритые.

– Здесь, – сказал один из солдат по-русски. Сбросил вещевой мешок, повесил на ветку автомат.

– Мокрень тут, – заметил другой, среднего роста, коренастый, с темным румянцем на щеках.

– Ничего, подстелим плащ-палатки, отдыхать-то все равно придется не больше полутора часов.

– А может, пройдем еще немного вперед, а?

– Нет, нельзя, сержант приказал расположиться именно здесь.

Кое-как устроились на отдых.

– Спать не приказано, рядовой Кныш, – предупредил первый солдат.

– Уснешь тут... – пробурчал Кныш, – да и есть хочется чертовски.

– У тебя что же, кореньев не осталось, что ли?

– В горло не лезут, – сказал Кныш, – целую неделю – одни гнилые корешки! Хоть бы кусок хлеба...

Его собеседник хрипло рассмеялся:

– Ты же знал, на что шел... Хочешь жить – сумей выжить. В наших условиях в этом вся штука, приятель.

– Выживу!

– А я не сомневаюсь, – солдат завернулся в плащ-палатку и повернулся к напарнику спиной. – Слушай, Кныш, как только почувешь – сержант идет, толкни. Боюсь, не задремать бы. Так ты смотри.

– Не трусь, толкну.

Кныш лег навзничь, закусил травинку в зубах и стал смотреть в хмурое, затянутое облаками небо. Нахлынули мысли, как всегда смутные, беспокойные. Страшно хотелось есть, но есть было нечего. Питались вот уже три недели, как и полагалось по инструкции, исключительно тем, что удавалось найти: остатками не выкопанных с прошлого года овощей, кореньями растений, птицами, если их удавалось подстрелить. Пили тухлую воду из луж, болотную. А выжить надо! В конце концов, прошли же до него, Степана Кныша, тысячи парней подобное испытание – ничего, живы. Почему же он должен быть слабее их?

Сержант все не шел. Степан смотрел в пасмурное небо и думал о своей жизни: не о будущем, о котором он не имел ни малейшего представления, а о прошлом, приведшем его в этот

глухой лес среди болот и рек американского штата Северная Каролина. Зачем он здесь? Разная у людей бывает судьба, и жизнь по-разному складывается. У одних жизнь ровная, как ниточка, спокойная, определенная от рождения до самой смерти; у других она полна превратностей, неожиданных поворотов, взлетов и падений. Но есть люди, у которых жизни, в том смысле, как ее обычно принято понимать, строго говоря, нет: короткое прошлое – несурзное, изуродованное по чьей-то вине, прожитое в муках и приведшее к будущему, которое неизвестно каким будет и будет ли вообще. Степан Кныш принадлежал к последней категории людей. Он родился на шахте. Его дед рубал уголь в Донбассе. Отец поставил на этом деле точку: окончил финансовый техникум и засел в конторе. Ни мозолей, ни угольной пыли на ладонях у него не было. Отец вечно возился с бумагами, читал книжки, слыл трезвенником, лебезил перед начальством и был не прочь иногда прихвастнуть перед женой, матерью Степана, своей житейской смекалкой, которую он по ошибке называл умом. Жил в собственном домике, в достатке, – чего только у него не было: коровки, поросятки, куры, своя бахча... Флигелек на усадьбе всегда сдавался – тоже доход немалый.

В сорок первом старший брат Степана ушел в армию, вслед за ним призвали и зятя – инженера.

Война налетела огненным вихрем, гитлеровцы, не считаясь с потерями, бросали на восточный фронт все новые и новые танковые дивизии, стремительно продвигались к Донбассу. Старший Кныш растерялся. Его мучил один-единственный вопрос – как быть с хозяйством, с домом. Он остро чувствовал нарастающую угрозу своему благополучию.

А фронт неумолимо приближался. Народ стал эвакуироваться. Кныш сказался больным и заперся в своей усадьбе: здесь решил переждать события, никуда не двигаясь. Не бросать же хозяйство.

Вскоре явились гитлеровцы. Через неделю Кныша вызвали в гестапо и обвинили в связи с партизанами, с пристрастием допрашивали: почему остался, где сейчас находятся старший сын, зять и дочь. Степан был тогда слишком мал и, естественно, не мог разобраться в том, что происходило перед его глазами. Мог ли он тогда подумать, что это решается и его судьба! Он видел отца почерневшим, потерянным, испуганным насмерть, но был еще слишком мал для того, чтобы осознать страшную истину – отец трус и шкурник.

Кныш-старший быстро усвоил, что жить хорошо, спокойно, богато можно и при немцах, лишь с одним условием – надо заслужить их доверие. Кныш отправился на прием к немецкому коменданту, а через два дня после этого визита вступил в должность директора шахты, немецкого директора той самой шахты, на которой отец и дед его честно рубали уголь. В те годы Степан, семилетний ребенок, почувствовал на себе груз презрения: у сверстников не было для него иного имени, кроме клички «предатель». Степан не плакал и не жаловался отцу: кругом шла война, и далеко на фронте, и тут, на шахте, люди гибли в борьбе с гитлеровцами, и инстинктивно всей детской душой он был с ними, с ребятами-обидчиками, но это следовало тщательно скрывать ото всех. Он замкнулся в себе, стал угрюмым.

К весне сорок третьего фронт от Сталинграда перекинулся далеко на запад. Старший Кныш ошибся в расчетах – потоки гитлеровских танков и самолетов оказались вовсе не несокрушимыми, а громкие заявления Геббельса по поводу того, что земли, захваченные у Советского Союза, навечно останутся немецкими, – демагогией. Кныша угнетал, сводил с ума прежний вопрос: как приспособиться к жизни и дальше, куда теперь податься? На сторону русских, советских, вряд ли возможно: к этому времени на его счету имелось немало преступлений против народа – каторжный режим труда, установленный им на шахте в угоду захватчикам; помощь гитлеровцам в угоне в рабство советских людей; выдача гестапо нескольких партийных активистов, оставленных для ведения подпольной работы на оккупированной территории...

Гитлеровцы решили сохранить преданного им человека – пропуск на Запад Кнышу-старшему они вручили. В беженца ему все-таки пришлось превратиться, только бежал он не на

восток от врага, а на запад от своих. Бежал вместе с гитлеровцами, надеялся на чудо: армии вермахта останутся, выровняют фронт – об этом каждый день говорилось в сводках германского верховного командования, – а потом снова перейдут в наступление. Но чуда не произошло, и вместе с отцом и матерью маленький Степан Кныш очутился в Западной Германии, на чужбине, без средств к жизни, без родины.

Американская зона оккупации. Семья Кныша скиталась по лагерям для перемещенных лиц. И тут отец думает лишь о том, как бы любой ценой устроиться поближе к начальству, и здесь он льстит, подличает, ходит в активе, предает товарищей. Боясь возвращения на родину, всеми силами старается не допустить репатриации других. Это было невыносимо. И через несколько лет Степан сбежал из семьи, некоторое время беспризорничал, потом устроился на завод в Кёльне. Работал слесарем, старался побольше читать, изучал немецкий и английский языки, увлекался спортом и много думал о родине, о шахте, о бесконечно милых ему ребятах, с которыми когда-то целыми днями играл на улице.

Шли годы. Степан вырос, возмужал, посуровел. Несколько раз посетил его отец, звал к себе, болтал о «политической» эмиграции, намекал на какую-то карьеру, хныкал, упрекал в неблагодарности; однако Степан отмалчивался, с отцом было ему душно, он презирал его за подлый, трусливый характер, осуждал за свою загубленную жизнь. Но отец не отступал, у него были свои виды на парня. И наконец он перешел в наступление – вмешались друзья из так называемого «Народно-трудового союза» (НТС), пришли в движение какие-то темные силы, и совершенно неожиданно для себя Степан очутился без работы: с завода его уволили, даже не объяснив причину. Он «гранил мостовые» в поисках работы, но его никуда не принимали. Сбережения иссякли быстро. Пришлось голодать. Снова появился отец, с насмешливой улыбкой, торжествующий. Степан тогда не понял еще роли отца в выпавших на его долю новых испытаниях, но ехать с ним «работать» в лагеря перемещенных категорически отказался. «Щенок!» – злобно бросил рассвирепевший папаша.

Остаться в Кёльне было бессмысленно, да и за квартиру платить уже нечем. Продав кое-какие вещички, Степан подался в Рур. Потом добрался до Дюссельдорфа – работы для него не оказалось и там. Кое-как перебиваясь, доехал до Гамбурга, мечтал устроиться на верфях или в порту, но, кроме случайной работенки, ничего не нашлось. Миновало несколько лет бездомных и голодных скитаний. Пришлось ни с чем вернуться в Кёльн. Бродил ожесточенный, с вечной мыслью о том, как и где хоть немного поесть. Ночевал на вокзалах, в парках, под мостами. Так существовать далее было невозможно, он это отчетливо чувствовал. Что же делать?

Наступил канун Пасхи. Степан бродил по залитым весенним солнцем улицам города и напрасно шарил в своих карманах – в них не было ни пфеннига. День казался бесконечным, наверное, еще потому, что он мог рассчитывать пообедать лишь завтра, у собора. В Кёльне есть православный собор, внушительный, с выкрашенным синей краской куполом. Каждый год на первый день Пасхи молебен в соборе служит сам епископ. После молебна все приглашаются «вкусить трапезу»: пообедать под открытым небом. Во главе праздничной трапезы восседают епископ и наиболее важные из верующих. Степану раньше не раз приходилось видеть эту сцену «единения русских православных душ», и всякий раз он задавал себе вопрос: а за чей, собственно, счет демонстрирует епископ свою «любовь к ближнему»? И теперь он рассчитывал наесться досыта именно после богослужения, у собора, поэтому с нетерпением ждал наступления следующего дня. Мог ли он думать, что уже через несколько часов жизнь его круто переменится, закружит в невидимом потоке, понесет неизвестно куда и наконец выбросит на заброшенную землю американского штата Северная Каролина, у стен зловещего форта Брэгг!

Все происходило как обычно: молебен служил самозванный епископ, переметнувшийся к гитлеровцам пройдоха, отлученный от православной церкви патриархом Московским; за сто-

лами восседали бежавшие от расплаты за измену родине бывшие гитлеровские бургомистры, полицей, власовцы... Степан Кныш с остервенением жевал все, что подавали.

Вот там все и началось... За праздничным столом у собора он встретил Аггея Чурилина, упитанного, наглого. Он хорошо знал этого парня, по крайней мере тогда он был в этом уверен.

Семья Чурилиных до революции имела в России большое имение близ Калуги, свою торговлю зерном в городе, баржи на Оке, деньги в банке. В семнадцатом Чурилины лишились и добра, и капиталов. Большая прежде семья будто растаяла. Чурилиных можно было встретить в самых различных уголках молодой Советской республики – и в должности счетоводов, письмоводителей, и на посту начальника районной милиции. Сначала их не знали, потому что повсюду они были пришлыми, маскировались, скрывали свое прошлое; потом правду об их былой жизни не хотели знать, поскольку миновало много лет, подросли новые поколения людей, в глаза не видевших помещиков, купцов, успевших позабыть даже о кулаке, ликвидированном как класс. Считалось, что, как и все, Чурилины – советские граждане, и всё тут. Но дело обстояло не так. С годами звериная злоба не утихала ни у деда, ни у отца Аггея: они не переставали мечтать о своих хоромах, об огромном яблоневом саде, о батраках. Чурилины не примирились, лишь ожидали «перемен».

Ожидания бывших помещиков, казалось, оправдались – банды закованных в танковую броню гитлеровцев неудержимо рвались «нах Остен», к Москве, к берегам Волги. Красная армия отступала. Но Чурилиным не повезло: в момент, когда они пробирались в расположение гитлеровской части, их накрыло прямым попаданием снаряда. Чей был снаряд – советский или немецкий, кто знает. Во всяком случае, из всей семьи случайно уцелел только Аггей. Немцы схватили его и вместе со всякого рода «подозрительными» бросили в один из своих концлагерей не то в Польше, не то в Белоруссии. Там и пришлось Аггею пробыть почти все годы, пока длилась война. Он жил, не зная, оставят ли его в живых завтра, не каждый день имел даже корку хлеба, жадно мечтая во что бы то ни стало выжить. Много раз рассказывал он Степану свою историю... Колючая проволока, сторожевые вышки с пулеметами, эсэсовцы с собаками, казни каждый день – расстрелы, виселицы. И оркестр из заключенных, игравший во время казни марши и мазурки.

Несчастные люди, брошенные гитлеровцами в лагеря уничтожения, ненавидели своих палачей, мечтали о мести, о свободе, презирали убийц, но Аггея Чурилина беспредельная жестокость этих негодяев поражала иным: в ней он видел нечто от «сверхчеловеков» и потому восхищался ею.

Степан Кныш этого не понимал, он не знал, что это был психический вывих, явившийся следствием не только ужасных лет, проведенных Аггеем в гитлеровском концлагере, но и еще раньше заботливо воспитанной в нем ненависти к советским людям. Аггею не было жаль их, более того – зверства гитлеровцев он воспринимал как месть советским людям, лишившим богатств его родных, сгоревших в огне той самой войны, о которой они так долго мечтали.

Когда война окончилась, Аггей попал в лагерь для перемещенных лиц за Рейном. О жизни там он предпочитал не распространяться, что наводило Степана на размышления. Но как бы то ни было, он сумел вырваться оттуда и очутился в Кельне, на заводе, бок о бок со Степаном. К тому времени был он уже высоким, статным парнем, с серыми, всегда настороженно-чужими глазами. На заводе они подружились, вернее, у них сложились те отношения, когда один чувствует свое беспредельное превосходство над другим и испытывает непреодолимое желание как-то выразить это свое мнимое превосходство, а второй до поры до времени терпит такое поведение «друга». В данном случае жертвой своеобразной дружбы был Степан Кныш.

Работать Аггею не любил. Он трудился только потому, что надо же было на что-то жить. Потом незаметно он исчез.

Прошло несколько лет, и вот они опять встретились – за пасхальным столом, в обществе отщепенцев, изгоев и предателей. Был Аггей тщательно побрит, хорошо одет, держался замкнуто. Степан так и не узнал, где Чурилин находился все это время, чем занимался.

– Отощал ты, – сказал Чурилин, с обычной своей насмешливой улыбкой разглядывая старого приятеля. – На мели сидишь?

Степан без особой охоты рассказал, как он мыкался, – надо же было о чем-то говорить.

– Не волнуйся, я тебе помогу, – неожиданно заявил Чурилин.

Чем и как хотел он помочь – об этом ничего внятного не сказал, лишь одолжил Степану денег, устроил его на квартиру у своих знакомых и велел побольше сидеть дома, дожидаться, когда за ним придут. Ничего еще не понимая, Степан поблагодарил Чурилина за поддержку и почти счастливый стал обживать крохотную каморку, в которой тот его поместил. Ждать пришлось довольно долго. Аггей появился лишь недели через три и потащил Степана на свидание с человеком, которому, по его словам, Степану следовало бы обязательно понравиться. Что это за человек, какую работу он может дать, об этом Чурилин предпочел умолчать.

Беседа была ничем не примечательна: просто Степан без конца отвечал на вопросы лысого незнакомца. Однако молодой Кныш не был настолько наивен, чтобы вообразить себя на исповеди; о своих личных симпатиях и антипатиях предпочел не особенно распространяться. Ему, видимо, удалось приглянуться, во всяком случае, в тот же вечер он вместе с Аггеем выехал на юг Западной Германии, в «Институт по изучению истории и культуры СССР». Здесь они пробыли полгода.

Их считали друзьями и напарниками, старшим был всегда Чурилин. Он умел втираться в доверие к начальству, у него были приятельские отношения с влиятельными в институте лицами, какие-то свои тайны, о которых он никогда не проговаривался. Степан Кныш отдавал себе отчет о характере их взаимоотношений, был настороже. О Советском Союзе они никогда между собой не беседовали: для Аггея Чурилина «родина» представлялась слишком отвлеченным понятием, больше того – чем-то таким, что, по его мнению, могло бы лишь мешать ему строить ту жизнь блестящего космополита, о которой он мечтал; для Степана родина ассоциировалась с самым дорогим и милым его сердцу, и он не хотел разговаривать о ней с Аггеем Чурилиным, чтобы не давать тому повода к циничным, кощунственным выпадам против страны, породившей их.

Подчинялся институт «Американскому комитету освобождения от большевизма», и сотрудники его занимались тем, что изо дня в день составляли именные карточки на военных, хозяйственных и общественно-политических деятелей Советского Союза. Кого только не было в этих списках – артисты, писатели, директора заводов, секретари райкомов партии и комсомола.

– Зачем нужны эти сведения? – спросил однажды Степан «приятеля».

– Для того, чтобы в «день икс» уничтожить всех этих людей, – охотно пояснил Чурилин.

– Уничтожить!? В «день икс»?

– Ну да, когда начнется война, командиры будут иметь у себя на руках копии этих списков и заранее будут знать, кого надо ликвидировать в районе действия их подразделений.

– Вот как!

Чурилин пожал плечами:

– Что же тут особенного, чудак? Гитлер еще за несколько лет до начала войны на Востоке составил такие же вот списки.

Кныш был ошеломлен.

– Значит, мы составляем картотеку для командиров войск, которые там, в Советской России, будут...

– Не обязательно командиры регулярных частей, – перебил Чурилин. – Гитлер, готовясь к войне против Советов, заранее, еще в тысяча девятьсот тридцать восьмом году, создал

специальные «эйнзацгруппы» для уничтожения советских активистов, интеллигенции. Так же поступит и штаб НАТО.

Все время пребывания Кныша в «институте» его тщательно проверяли. К чему, к какого рода деятельности его готовили? И хотя прямо с ним никто не говорил, он отлично понимал – из него хотят сделать шпиона. Степан старался не думать о будущем, сознавая, что сейчас поздно отступать, что прояви он теперь недовольство, его уничтожат. Приходилось таиться, замыкаться, лгать. Теперь он наконец понял, почему его уволили с работы на заводе, почему обрекли на голод, лишения, а потом подсунили старого друга. Вожаки из «Народно-трудового союза» стремились превратить его в орудие своей мести против страны, которой они изменили, против народа, который они предали. Степан понял это слишком поздно.

Аггей Чурилин, не сказав ни слова, опять куда-то уехал.

Однажды Степана привезли в помещение американской разведки – он должен пройти «медицинский осмотр». Его положили на кожаную кушетку, опутали проводами, идущими к нему от нескольких приборов... Пневмограф следил за изменением дыхания, сфигмометр фиксировал давление крови, кардиограф снимал работу сердца, термометры следили за температурой... Затем его провели в другой кабинет, снова уложили на диван и снова спеленали проводами... От его тела провода тянулись к большому ящику, в котором вращался валик с широкой бумажной лентой. Над валиком – стеклянные узкие, длинные трубки, наполненные чернилами и смонтированные на одной оси с пишущим прибором. Это – «лай-детектор». Степану объяснили: если он будет давать ложные ответы – в линии, которую прочерчивает на бумажной ленте пишущий прибор, появится излом, он будет разоблачен. Вопросы следовали один за другим с непостижимой быстротой, «врачи» стремились не дать ему времени на обдумывание ответов.

После незначительного перерыва – новые вопросы, по которым Кныш догадался, что ему стали доверять, – теперь уже шла проверка быстроты и точности его реакции: имелось в виду уточнить его профессиональную пригодность к работе, на которую его прочили.

После «медкомиссии» события завернулись, как в калейдоскопе. Уже через два дня Кныша на самолете отправили за океан. Доставили в Вашингтон и поселили в отеле «Гамильтон», в номере, окна которого выходили на задворки. На улице показываться нельзя. Вскоре его перевезли в штат Северная Каролина, в лагерь десантных войск «Футбрейк». Здесь он должен был научиться прыгать с парашютом. Двенадцать прыжков с вышки и десять с самолета. Из «Футбрейка» перебросили в школу разведчиков – это всего в сорока километрах от Вашингтона, в штате Мэриленд. Сельский покой, тишина, неподалеку поселок с несколько странным названием – Поупс-вилл.

В классах, что помещаются на втором этаже здания школы разведчиков, – приемники и передатчики, тетради с кодами, шифрами. Занятия – до позднего вечера. Здесь Степан Кныш усвоил радиододел, овладел шифром.

Затем его поселили в одиноком домике в лесу в штате Вирджиния. Тут надлежало научиться метко стрелять и «отработать» подрывное дело. А через два месяца – снова лагерь десантных войск «Футбрейк», занятия топографией, хождение по азимуту, опять по четыре часа в день работа с рацией, вождение автомобиля, лекции о Советском Союзе и о методах работы советской контрразведки. Однажды привезли легенду – описание жизни человека, за которого ему придется выдавать себя там, куда его скоро перебросят. Целых три месяца он старательно зубрил эту свою «биографию», вживался в образ человека, которого ему придется изображать. Агентурное задание рассчитано на полтора года, премия – десять тысяч долларов. Но его все еще не отправляли, не разъясняли задание, не сообщали явку. Он, естественно, понятия не имел о том, что проведение операции, в которую его включили шефы разведки, задерживалось по причинам, от них не зависящим. Он оказался как бы в вынужденном про-

стое, и тогда-то было принято решение послать его в «войска особого назначения». Так Степан Кныш очутился в форту Брэгг.

Все началось с принятия «плана икс».

«Икс» в математике означает неизвестное – любой школьник может подтвердить, что это так. Гитлер «днем икс» называл тот день, в который вермахт по его приказу неожиданно и вероломно нападал на ту или иную страну. Так «день икс» оказался зашифрованной датой начала кровопролитий, смерти ни в чем не повинных людей, угона их в рабство. Слово «икс» приняло с тех пор зловещий смысл. В американском толковании кодированный термин «план икс» перестал быть чем-то сугубо секретным, даже, пожалуй, наоборот, приобрел известность: он стал включать в себя подготовку особых войсковых частей для ведения «специфических» боевых действий в тылу армий стран социалистического лагеря в случае возникновения новой мировой или сколько-нибудь крупной войны вообще, хотя бы и местного значения. В форту Брэгг обосновалась «армия особого назначения», по другому – «77-я группа войск особого назначения», или, иначе, «корпус бойцов освобождения». Там, в форту Брэгг, американская разведка занимается тренировкой всякого сброда, для них в значительной мере предназначается карта-тека советских граждан, подлежащих уничтожению. Ведь диверсанты должны будут действовать далеко впереди войск НАТО, одетые в форму солдат и офицеров Советской армии, – точь-в-точь как действовал в свое время «учебный полк Бранденбург» – созданная Гитлером диверсионная дивизия. Подчеркивая эту преимущество, американцы даже не изменили названия – их части убийц и провокаторов тоже называются бранденбургскими.

Отдыхая на опушке влажного елового леса, на ветвях которого гроздьями мутного жемчуга поблескивала вода, Степан размышлял о пережитом им в форту Брэгг.

Глава вторая

Степан Кныш отлично помнил о том изумлении, которое охватило его, едва он попал сюда. Слышалась русская, украинская, польская, чешская, венгерская, немецкая речь, по-английски здесь не говорили. Парни, одетые в американскую военную форму, были все как на подбор – здоровяки, один к одному, по сравнению с ними он выглядел заморышем.

Предстояло пройти все три фазы обучения, установленные для питомцев форта Брэгг. Первый, самый продолжительный период, показался Кнышу не очень тяжелым: сказалась подготовка, полученная в разведывательной школе, – двенадцать недель на изучение средств связи, по четыре на овладение легким и тяжелым оружием и на курс по проведению подрывных работ. Степан Кныш, вызывая острую зависть своих коллег по диверсионному подразделению, шел впереди. Но когда дошла очередь до медицинской подготовки, положение изменилось – тут у него преимуществ не было. Пришлось основательно потрудиться, чтобы освоить теоретический курс, а потом ехать в далекий Техас и там, в форте Бруи, проходить практику в военно-медицинском центре. Целых восемь месяцев ушло на это.

Затем началась вторая фаза обучения: изучение теории и практики воздушных и комбинированных десантных операций, освоение всяческих приемов военной хитрости, с помощью которых предстояло добиваться победы над «врагом» в странах, из которых различными путями эти парни попали сюда. Кроме того, пришлось опять заниматься топографией и совершенно новыми для Степана «учебными» предметами: организацией диверсионных отрядов из местного населения, предварительной тренировкой на «умение выживать». Систематически проводились занятия по тактике.

И, наконец, наступила третья, последняя фаза обучения. Представители из Управления особых методов ведения войны и администрация форта Брэгг провели тщательный отбор солдат. Большую роль при этом играли знание языка, страны, быта народа, среди которого придется действовать, умение приспособиться к местным условиям, к климату и тренировка на выносливость. Кныш был признан годным для полного завершения курса шпионско-диверсионных наук в форте Брэгг. Теперь обучение проводилось уже в составе подразделения, точно такого, каким его предполагается забросить в глубокий тыл на территорию Советского Союза.

Диверсионное подразделение было направлено на север штата Северная Каролина и целых три недели «действовало» в суровых условиях гор. Затем их посадили в самолеты. Над штатом Колорадо, в районе форта Карсон, их сбросили на парашютах – начались семинедельные занятия в крайне суровых условиях: на большой высоте, в снегу, было очень холодно. Из Колорадо после изнурительных учений пришлось пешком возвращаться в форт Брэгг. Путь немалый! Снова десантные операции, проведение подземных и подводных взрывов, и наконец последнее – завершающий трехнедельный курс на «умение выжить» в болотистой местности, в районе форта Леджен, без пищи, без какого-либо подобия крова... Но вот и эти три недели кончаются. Солдаты пробираются уже на сборный пункт своего диверсионного подразделения, откуда они возвратятся в форт. Теперь, когда все позади, Степан Кныш хорошо знает, кого и зачем готовят американцы в форту Брэгг.

Их оденут в форму солдат Советской армии и забросят на советскую землю. Они будут выдавать себя за своих: ведь русский язык для них родной, а в карманах у них будут отлично сделанные липовые воинские документы. Как предполагают стратеги из военного министерства США, в далеком советском тылу их встретят с доверием, и тогда они нанесут удар, коварно, с той самой «хитростью», которой их обучали: взорвут важные промышленные объекты, железнодорожные пути, склады, разрушат линии связи, подготовят места для высадки десантов регулярных войск, соберут и передадут командованию ценную информацию, выделат, когда это потребуется, для регулярных войск НАТО «живые карты» – проводников, пре-

восходно знающих местные условия. Да мало ли что могут сделать благополучно заброшенные в советский тыл вышколенные диверсанты и террористы, недаром же в форте Брэгг американские военспецы читают лекции об опыте вооруженной борьбы против советской власти банд Махно, Антонова... Кныш внимательно слушал эти лекции, и у него возник вопрос, который нельзя было задать никому: а почему это советские люди пойдут в банды американских диверсантов? Почему они не расправятся с ними, как когда-то расправились с теми самыми бандитами, опыт которых ныне старательно передают американские инструкторы в форте Брэгг?

Задачи, которые поставлены перед диверсионными отрядами и группами американским командованием, и тактика боевых действий этих отрядов на советской территории заранее обрекали диверсантов на уничтожение. Так, важнейшей задачей диверсионных отрядов будет не допустить использования той или иной местности советскими войсками. Что же для этого приказано сделать Степану и другим диверсантам из «корпуса освобождения»? Минировать дороги, разрушать фабрики и заводы, устраивать пожары, отравлять воду в реках и колодцах, с помощью бактериологического оружия вызывать эпидемии заразных болезней – тифа, чумы, холеры, – чтобы народ советский вымирал. Трудно представить себе, чтобы нашлись среди советских людей такие, которые стали бы пособниками своих же убийц. Забросить отряды диверсантов на советскую землю штабу НАТО частично удастся, и эти звери в человеческом облике смогут натворить много бед, но их все-таки обязательно уничтожат, и недолго им придется, используя всякого рода «военные хитрости», передвигаться из одного района в другой.

А тактика действий диверсионных отрядов? Она рассчитана на проведение боевых операций в какой-то почти необитаемой стране, но никак не в СССР и не в густонаселенных государствах Восточной Европы. И боевые действия и передвижение должны осуществляться ночью, днем же диверсантам предписано отсиживаться в лесах и горах и лишь «небольшими дозорами вести разведку». Тактика диверсионных отрядов предусматривает налеты, засады, диверсии и рейды.

Налеты должны производиться на «стационарные» объекты, то есть на промышленные предприятия, электростанции, колхозы и совхозы. В район предполагаемой операции заранее будет засылаться агентура, линии связи предполагается уничтожить заблаговременно, дороги, где нужно, следует заминировать, и тоже, понятно, не в последний момент. Кроме того, планируется организация «отвлекающих действий». Как будто все гладко, однако Кныш отлично понимал, что это, так сказать, «только в теории»! В самом деле – стоит грянуть войне, как любые сколько-нибудь важные объекты будут поставлены под надежную военную охрану, для вылавливания диверсантов наверняка будут созданы истребительные батальоны, весь народ пойдет против заброшенных к нам банд. Обольщая себя иллюзиями насчет восстаний и бунтов советских людей, по существу, против самих же себя, деятели из военного министерства США, так же как это в свое время случилось с Гитлером, допускают огромную ошибку, рассчитывая, что заброшенные ими на советскую или польскую, чешскую, венгерскую землю шпионы и убийцы окажутся на положении партизан – народных мстителей. Только люди далекие от реальной действительности могут строить такие планы. Все это Кныш как-то органически понимал, чувствовал. Скрывая злорадную ухмылку, он подумывал и о другом: а кто знает, сколько среди «специально отобранных солдат» в форте Брэгг имеется людей, готовых перейти на сторону Советов, в лагерь «красных», туда, где находятся их родные, друзья по прошлой жизни, по детству, по крови. Ведь не все они здесь по доброй воле; для того, чтобы завербовать их, было пущено в ход все: ложь, провокации, угрозы, клевета, подкуп, убийства...

Особое место в тактике американских «бранденбуржцев» занимают диверсии. В этом деле имеется огромный опыт времен Первой и Второй мировых войн. Страшно заманчиво – послал несколько отщепенцев без роду без племени, а они тайком и в самый нужный момент пускают на воздух советские железнодорожные мосты, заводы, электростанции. Инструкторы в классах – Степан это отлично помнит, – решительно утверждали, что в США уже имеются

атомные заряды с небольшим тротиловым эквивалентом, которые могут переноситься одним человеком. Такие атомные заряды предполагается дать и на вооружение диверсионных отрядов, чтобы сподручнее было разрушать важные объекты. По замыслу американского командования, «бойцы корпуса освобождения» из форта Брэгг должны будут огромное внимание уделить и такой форме диверсии, как отравление населения Советского Союза и демократических государств Восточной Европы и Азии ядами и заражение их эпидемическими болезнями. Капля яда (бутолина) в какой-нибудь водоем – и масса трупов! И снова – Кныш не мог сейчас не подумать об этом, – просчет поджигателей новой войны – этот чудовищный, злодейский «метод» диверсий таит в себе опасное противоречие. Дислоцированное в форту Брэгг подразделение «особо отобранных лиц» называется «корпусом бойцов освобождения». Но вот наученному искусству убивать бойца-«освободителя» сбросят с парашютом где-нибудь над Смоленской или Калужской областью с приказом напустить на людей тиф, холеру. Массы женщин, детей, ни в чем не повинных граждан – тех самых, об «освобождении» которых без конца болтают по американскому и западногерманскому радио, должны будут погибнуть, умереть в ужасных муках. Что же скажут народы о злодеях и на какую же поддержку местного населения могут надеяться такие «партизаны» «мэйд ин ЮСА» (сделанные в США)? Их будут уничтожать, как тифозных вшей, – Степану Кнышу это ясно.

Проведение рейдов по тылам противника – это тот самый очередной метод ведения боевых действий диверсионными отрядами, ради которого Степану пришлось последние три недели терпеть голод, жажду, лишения.

Особенность рейда – длительные переходы, требующие исключительной физической подготовки, выносливости и умения переносить лишения. Учиться терпеть лишения, пройти курс на «умение выжить» Степану, как и многим до него, пришлось в районе форта Леджен. Завтра кончался этот проклятый «курс», заставивший парня подбирать на полях случайно не замеченную фермером полусгнившую брюкву, пытаться ловить рыбу в ручье и разыскивать «питательные» корешки в лесных зарослях.

Неподалеку под чьими-то ногами захлюпала болотная жижа. Между хилыми стволами черных, точно обгоревших, елей показалась высокая фигура мужчины – сержант явно спешил. Кныш толкнул напарника, и тот моментально сел. Сержант издали делал знаки, по которым можно было понять, что следовало поторопиться. Солдаты с нетерпением ждали, что им скажет сержант, – они боялись, не придумал ли командир диверсионного отряда, в котором они проходили обучение по «третьей фазе», какое-нибудь новое испытание: от этой мысли им было не по себе.

Сержант не стал задерживаться возле них.

– Пошли! – скомандовал он и добавил всего лишь одно слово: – Радиограмма.

Сержант не отличался многословием, но все же удалось кое-что из него вытянуть. Оказалось, что его задержали на командном пункте отряда в ожидании какого-то важного приказа. Наконец приказ поступил по рации. Сержант презрительно сплюнул, – он не очень-то уважал этих парней. Степан Кныш должен немедленно выйти на поляну по ту сторону реки, где его ожидает вертолет. Надо торопиться.

Они спешили изо всех сил. У Степана на сердце было очень невесело, – он уже видел себя в роли «спасителя» с ядом и бациллами.

Кныш стоял навтыжку. За ничем не покрытым деревянным столом сидел крупный, плечистый мужчина. На фоне серых бетонных стен помещения комендатуры он казался особенно хмурым и каким-то бесцветным. Степан, конечно, не знал, что ему довелось встретиться с одним из самых опытных и «везучих» работников разведки, Патриком Смитом. Но вообще-то он догадывался, что это не рядовой инспектор.

Смит внимательно разглядывал стоявшего перед ним парня.

– Сегодня отдыхайте, примите человеческий облик, – сказал он, – а завтра утром вас переправят в Вашингтон, в отель «Гамильтон». Там я проинструктирую вас. А через неделю вас встретят на аэродроме возле Стамбула и перебросят на Восток. Через турецко-советскую границу вы проникнете в Армению. Перед самым переходом советской границы, в Карсе, вам скажут, не будет ли каких-либо изменений в задании. Условия старые. – Жестом Патрик Смит отпустил Кныша.

Глава третья

В стамбульском аэропорту Степана встретил Аггей Чурилин – он-то и оказался уполномоченным Патрика Смита, которому разведка поручила перебросить Кныша в Советский Союз.

Степан уже перестал удивляться умению старого знакомого изменять свою внешность, манеры, походку, даже голос: то задумчиво-дружеский, то холодно-безразличный, а порой злобный. Красивый, подтянутый, он производил на Степана впечатление приготовившегося к прыжку зверя. Степан так толком и не понял, какую, собственно, роль на этот раз отвела американская разведка Чурилину и почему он должен не только организовать переход им границы, но и собственными глазами убедиться в том, что его не сдавали тотчас пограничники. Ведь для этого Чурилину придется рисковать собственной шкурой, вместе с Кнышом нелегально пробраться в Советскую Армению, а затем ухитриться невредимым возвратиться на Запад, чтобы лично доложить Патрику Смиту о благополучной заброске очередного лазутчика на советскую землю. Было во всем этом что-то непонятное. Ясно лишь одно: до поры до времени оба они выступают в одной роли – агентов разведки, которым надо проникнуть в Советский Союз. А практически переброской их через границу займется резидент американской разведки в Турции Бидл и его люди.

Стамбул. Дворцы и белые минареты виднелись на крутых холмах у синих вод Босфора. Речные трамвай-ширкеты сновали вдоль и поперек, совершали рейсы между Галатой и Ускюдаром на азиатском берегу пролива.

Чурилин и Кныш сидели в каюте американского военного катера. Наступали сумерки. У низкого берега крутился мусор с причалов, гнилые апельсины, огрызки, корки. С берегов доносились монотонные причитания – пели, не то веселились, не то кого-то хоронили. Потом их посадили в закрытую машину и доставили на станцию Хайдар-паша. Поезд, готовый к отправлению на Анкару, стоял под парами. Их провели в двухместное купе, и тотчас появился человек, о котором они были заранее предупреждены, – высокий, откормленный, с черными масляными глазами. Он назвал себя; имя у него оказалось длинным, сложным, непривычным, кончалось на «оглу». Так они и называли его между собой – «оглу», остальное не запомнили. Оглу сообщил, что с ним они пройдут специальную подготовку, с ним же будут и переходить границу.

Новость о «специальной подготовке» Чурилину и Кнышу не понравилась, хотя, привыкшие скрывать свои чувства, они и виду не подали. В эту ночь уснуть Степану не удалось, он понимал, что настают решающие дни, что приближается финиш, и страшно боялся, а вдруг все получится совсем не так, как мечтал на протяжении долгих последних лет. От мысли, что он как-то может выдать овладевшие им чувства и тогда всему конец, ему становилось страшно.

Утром прибыли в Анкару. Оглу смотрел в окно вагона и ждал, когда перрон опустеет. Потом сели в ожидавший их закрытый автомобиль. Оглу уселся рядом с шофером. Машина рванулась вдоль застроенной белыми домишками улицы, выскочила на широкий, тенистый бульвар Ататюрка, повернула налево, проскользнула через центральную анкарскую площадь Улус Мейданы и пошла вдоль извилистой полупустынной улицы с не подходящим к ней наименованием – Анафарталарджаддеси, что значит проспект имени Анафарталар. Затем автомобиль завил по узким улочкам старого города и наконец остановился возле калитки, у которой прохаживался часовой. Турецкий это был солдат или американец – разобрать не представлялось возможным, поскольку в турецкой армии введена американская форма. Приезжих провели в небольшую комнатку и предложили отдохнуть. Как тотчас выяснилось, любезность эта

носила несколько своеобразный характер – покидать дом, в котором их поместили, запрещалось. На следующее утро придется ехать дальше, но куда именно – не сказали.

Время шло страшно медленно. Не раздеваясь, валялись на кроватях, молчали, перелистывали брошенные на стол американские журналы, думали каждый о своем.

Поздно вечером снова появился Оглу и подтвердил – отъезд назначен на утро, а пока можно «прокатиться» по городу. Их опять усадили на заднее сиденье закрытого автомобиля, запретив опускать боковые стекла. Машина медленно пошла той самой дорогой, которой Чурилин и Кныш ехали сюда накануне. В витринах магазинов полыхали электрические огни. На фасаде кинотеатра огромные красочные ковбои бросали лассо, мужчина в маске кого-то душил. На площади под мощным фонарем красовались огромные часы с белым циферблатом, на автобусных остановках в железных загородках толпились люди, сновали украшенные пашечными полосками такси... Автомобиль, постепенно набирая скорость, двигался по бульвару Ататюрка, миновал Сары кешек (желтый дворец) и помчался по направлению к Чанкая, туда, где помещается резиденция президента Турции – тогда им был Джалал Байяр, – и почти рядом с ней – американское посольство.

Справа показалось обширное строение с небольшими колоннадами и верхним этажом, напоминающим палубу корабля. От улицы строение было отделено металлической решеткой, в которой виднелись широкие ворота. В глубине поднимались деревья, густые заросли кустарника обрамляли усадьбу с обеих сторон.

– Советское посольство, – тихо сказал Оглу.

Чурилин и Кныш промолчали.

Миновав посольский квартал, автомобиль продолжал еще довольно долго продвигаться вперед, несколько раз останавливался. Оглу и шофер выходили размяться, любовались звездами, точно посыпанным золотистой пудрой небом. «Пассажиры» сидели в машине безмолвные, растерянные, им ни разу не предложили выйти подышать свежим ночным воздухом. Прогулка завершилась без происшествий, она лишь усилила тревогу Степана.

Из Анкары выехали утром. Поезд шел на восток. По соседству расположились Оглу и человек в длиннополом клеенчатом пальто, должно быть, агент эмниет мюдюрю (управления безопасности). Поезд шел пустынной местностью, иногда взбирался на самые гребни гор, делал зигзаги. С вершук горных хребтов по обе стороны отлично просматривались узкие, глубокие долины, то уныло-серые, то бездонно-синие. На огромных расстояниях не встречались ни люди, ни животные.

Ночью прибыли в большой город Кайсери с текстильными фабриками, построенными с помощью Советского Союза еще при Ататюрке, ценившем хорошие отношения с великим северным соседом.

И на следующий день поезд продвигался среди бесконечных горных хребтов, безлесных, серых, часто нырял в туннели. Смешанный с угольной пылью дым от паровоза проникал в вагоны, пришлось плотно закрыть окна, но и это мало помогало.

Оглу появился, только когда подъезжали к Эрзеруму. Снова последними покинули состав, прошли перроном, но на этот раз автомобиль их не поджидал.

– Арабаджи! – крикнул Оглу.

Один из стоявших в стороне извозчиков хлестнул лошадь и подкатил к вокзалу.

– Как в старой России, – шепнул Кныш.

Он, конечно, не видел старой России, но кое-что читал о ней, и в его представлении она неизменно вставала в образе мордастых урядников, городских и подстриженных в кружок извозчиков, облаченных в черные длиннополые одежды, по покрою напоминавшие поповские рясы.

В Эрзеруме извозчиков было много, они разъезжали и парами и тройками, обязательно почему-то с колокольчиками, с разноцветными тряпками на дугах, с цветными лентами, вплетенными в конские хвосты.

От вокзала уходила широкая, плохо мощеная пыльная улица. Босые, в рваных рубашонках дети стайками сбились у обочины, клянчили у приезжих монеты или хотя бы кусок хлеба. Их было тут очень много, изможденных, в язвах, с в кровь изодранными ногами.

У отеля «Сакарья» пассажиры покинули пролетку и поднялись по лестнице на второй этаж, в контору.

Отель – угрюмое, приземистое здание, лестница сложена из толстостенных метровой ширины каменных плит, но комната, в которой их поселили, оказалась просторной, с большими светлыми окнами и высокими, на русский лад, кроватями, покрытыми легкими пикейными одеялами с взбитыми подушками на них.

– Отдыхайте, пожалуйста, – нараспев сказала горничная, пожилая женщина, на чистом русском языке.

Чурилин ничего не ответил, он был испуган и рассержен не на шутку: почему же тут знают, что они русские? Молчал и Кныш. Женщина, орудуя тряпкой, рассказывала о себе. Она с Кубани, правда, давно ушла оттуда, еще в молодости. Жил там один молодой турок, и Марфа – так звали женщину – сошлась с ним и ушла на его родину, в Эрзерум. Возможно, все это она наскоро придумала, кто знает.

Чурилин был недоволен.

– Романтику развела... – шипел он после ухода женщины. – Постели – как для купцов первой гильдии...

Кныш упорно отмалчивался, думая о своем заветном, тайном.

Глава четвертая

И снова – дорога на Восток. От Эрзерума до Саракамыша на целых триста километров тянется узкоколейка, проложенная русскими еще в тысяча девятьсот шестнадцатом году, в разгар Первой мировой войны – тогда шли а этих местах жестокие бои.

Паровоз «кукушка», крошечные, будто игрушечные вагончики с матовым изображением полумесяца на стеклах окон. Всю ночь продвигались высокогорным плато. Вокруг, посеребренные лунным светом, бушевали степные травы.

От Саракамыша на восток шла нормальная, широкая колея. Два часа езды, и агенты Смита очутились в Карсе. До советской границы оставалось всего пятьдесят километров. Город – скопление невзрачных каменных домишек среди серых гор, лишенных растительности, красок.

С разрешения Оглу Чурилин и Кныш отправились на прогулку. Городишко оказался небольшим. Вырвавшись из гранитных теснин, неширокий Карс-чай с шумом катил свои волны посередине города, журчал меж камней, в изобилии нагроможденных вдоль и поперек русла. На берегу виднелся двухэтажный особнячок с палисадником, в котором произрастало несколько чахлах деревьев. Пара скамеек у тухлявого штакетника, бледно-синяя краска на ставнях окон, – в этом домике когда-то помещалась уездная управа, тут царские чиновники вершили дела. Поодаль – армяно-грегорианский храм, разграбленный завоевателями, заколоченный досками. На утесах, из-за которых рвется на простор торопливый Карс-чай, видны доты, оттуда на долину, на город наведены пушки и пулеметы. Туда же, к дотам, убегают рельсы конно-железной дороги – конки, оставшейся тут в наследство от старой России. Конкой пользуются главным образом офицеры гарнизона крепости, расположенной на высокой скале над Карсом.

Вечером Оглу и Чурилин куда-то ушли. Степан остался в гостинице, сидел у открытого окна. Душно, голову, точно обручем, сжали – начиналась горная болезнь: сказывалась непривычка к высоте в два с половиной километра над уровнем моря. Степан тщательно скрывал боль. Он догадывался, что «специальная» подготовка будет проходить в горных условиях, и боялся быть отставленным, а ведь без этой подготовки его, видимо, не рискнут послать через границу, туда, на территорию Советского Союза. И он терпеливо молчал.

В Карсе Кныш получил подтверждение задания разведки. Резидент Центрального разведывательного управления в Турции Элиас Бидл, совершая очередную поездку в район горы Арарат, решил сам дать напутствие питомцу форта Брэгг. Разговор происходил с глазу на глаз. Однако, как вскоре убедился Степан, насчет характера его будущей работы на территории Советского Союза Чурилин был отлично осведомлен, чего он и не старался скрывать. Что бы это могло означать?

В Карсе же Кныш получил свое шпионское снаряжение, включая портативную рацию и радиомаяки для наводки самолетов на цель. Затем его, Чурилина и Оглу посадили в американские джипы и отправили на северо-восток от озера Чилдыр, в турецкую пограничную зону.

Подготовка к переходу советской границы заняла еще около двух недель. Таких гор и пропастей Степан нигде не видел. В сопровождении Оглу агенты Смита лазали по скалам, совершали восхождения на крутые пики, спуски в ущелья и тренировались в пользовании специальной аппаратурой, которая должна была помочь им незаметно проскользнуть на территорию Советского Союза.

Наконец настала ночь, когда они отправились в путь. Их сопровождал турецкий офицер-пограничник, отлично знавший местность. Всю ночь лил дождь, шумели невидимые бесчисленные потоки, несущие с вершин камни. В кромешной тьме шли долго, карабкались по скалам. Потом вышли в небольшую ложину и направились точно на восток. Местность

несколько изменилась, теперь чередовались холмы и долины. Турок-пограничник о чем-то поговорил с Оглу и пошел обратно, на свою заставу. Тяжелые рюкзаки резали плечи, на подъемах тянули назад. Степан чувствовал, как с каждым шагом в его сердце, в его мозг все глубже проникает пронзительно острое чувство страха, страха и стыда – нестерпимо жгучего, мешающего дышать. Родина, милая Родина, о которой он так мечтал все эти годы на чужбине, тут, совсем рядом, а он шел к ней как враг! Дойдет он или погибнет от пули советского пограничника? Что ждет его – жизнь или позорная смерть? И как быть дальше, что делать с этими людьми, идущими рядом с ним? Если они каким-либо образом догадаются, о чем он думает и чего хочет, его труп останется гнить среди этих пустынных нагорий.

Они уже не шли, а ползли так, как еще недавно Степана учили в форту Брэгг. Непогода бушевала, и в кромешной темноте трудно было что-нибудь разглядеть на расстоянии даже двух-трех шагов. Но Оглу прекрасно знал местность и вовремя подал знак остановиться: впереди были заграждения, а за ними – об этом Степану не раз говорили в разведывательной школе, – контрольно-следовая полоса, широкая, аккуратно взрыхленная, на которой обязательно отпечатается след не только человека, но даже лисицы, зайца.

Несколько отошли назад и стали торопливо готовить ту специальную аппаратуру, которой их снабдили. Наполненные водородом баллоны подняли их над землей – всего на три-четыре метра – и перенесли через сооруженные советскими пограничниками препятствия: так агенты Патрика Смита оказались на территории Советского Союза. Они опустились на землю, поспешно пустили миниатюрные воздушные шары в свободный полет и снова стали красться все дальше на восток, через равнину. Кныш с нетерпением ждал очередного сигнала проводника – предстояло таким же образом, при помощи запасных баллонов с водородом, переправиться еще через один ряд заграждений и новую контрольно-следовую полосу. Оглу очень спешил – рассвет должен был застать их далеко отсюда. Потом, уйдя километров на пятнадцать в советский тыл, они отлеживались целый день в пещере, о существовании которой Оглу, видимо, давно знал. Между скал, далеко внизу, виднелось глубокое ущелье, полное сиреновой тишины. На вершинах гор иногда возникали фигуры чабанов, отары овец ползли по склонам, временами оттуда доносился собачий лай, который очень тревожил Степана. Он понимал, что взять след колхозные волкодавы не смогут: подошвы сапог нарушителей границы тщательно обработаны химикатами, но собаки ведь могут просто почуять присутствие чужих людей и нанести нежелательный визит в пещеру. Однако все обошлось благополучно. С наступлением темноты тронулись в путь. Оглу, должно быть, хорошо знал дорогу, шел уверенно. Маскировались, стороной обходили редкие поселки. Лишь через несколько дней вышли к пробитому в горах шоссе. Настала пора расстаться. Первым ушел Оглу, он повернул обратно. При встрече с представителями властей он должен был предъявить липовое командировочное удостоверение, где значилось, что он находится в этих местах с целью проверки состояния отар на кочевках. В карманах Чурилина и Кныша лежали бумажки, состряпанные разведкой Бидла, из которых следовало, что они – представители райкома комсомола отдаленного района и тоже командированы сюда по служебным делам.

Аппаратура-новинка как будто не подвела, прокрасться через границу удалось. Однако лазутчиков не оставляло чувство неуверенности и страха.

Степана терзали сомнения. Вот он здесь, на родине, а что же дальше, что надо делать, как поступить? Если его поймут, тогда конец, а главное – прахом пойдут все его мечты о будущей жизни, чистой и честной. Пойти с повинной? Но к кому, где и когда? И поверят ли ему? Он пришел на советскую землю вместе с двумя врагами и преступниками, и что же – он задержал их? Нет, один уже скрылся неизвестно куда, другой скоро вернется за рубеж, а пока сидит вот тут рядом с ним и сделает все, чтобы уничтожить его, как только заподозрит неладное...

Чурилин что-то негромко напевал, был доволен тем, что задание выполнено успешно и доллары потекли на его текущий счет в банке.

Степана неожиданно поразил язвительный смех Аггея Чурилина.

– Ты что? – удивился Кныш.

Чурилин криво усмехнулся.

– Страдаешь? Думаешь, не вижу? Против своих воевать заставили, да? А какие они тебе свои? Люди – везде люди. И не вздумай дурить, я за тебя поручился, сам знаешь... – Сказал с угрозой: – А если что – в живых тебе не быть, достанем!

Степан почувствовал, как в нем нарастает злоба, кулаки сами сжались до боли в суставах. Хотелось вскочить на ноги, выкрикнуть ругательство, схватить негодяя... Но нет, он не имел права ни раскрывать пока свои намерения, ни рисковать в этом пустынном краю. Бросил сердито:

– Не мели вздора, Аггей.

Чурилин сказал назидательно:

– При нашем занятии чувствительным быть нельзя, ты это хорошенько запомни.

– Запомню, – с угрозой буркнул Кныш и тут же с досадой спохватился: все-таки не удержался.

Он почувствовал, как Чурилин настороженно, будто сбоку, стал присматриваться к нему.

На попутных машинах добрались наконец до железнодорожной станции. Чурилин сходил за билетами. Поезд из Еревана на Москву должен был пройти только под утро. Закусив в буфете, перебрались в негустую тень росших неподалеку от полотна тощих тополей и растянулись на траве.

– Скоро нам придется расстаться, – глуховато напомнил Чурилин.

– Уже?

– Как приказано, забыл разве? Я ж тебе говорил – моя задача ограниченная: доставить тебя в сохранности, а самому назад, за кордон.

– Когда же отправишься?

– Скоро... я тогда скажу. Только ты уйдешь первым, я – потом.

– На этой станции?

– Нет, что ты!.. – усмехнулся Чурилин. – До Ростова проводить тебя придется. А уж оттуда той же дорогой в Карс. Так вот, слушай внимательно: встретимся на вокзале в Ростове... – Аггей назвал день. – Это будет наша последняя встреча. Если не приду до восьми вечера, уходи, не жди больше. Дальше действуй так, как тебе приказано. – Он остро взглянул на Степана. – Вот твой билет. Поезд придет – разбужу, езжай первым.

Чурилин умолк, будто задумался о чем-то. Степана по-прежнему мучили сомнения. Ростов! Стало быть, у него есть еще возможность осмотреться, подумать, набраться смелости... А там, как только встретятся на вокзале – придется действовать.

Незаметно Кныш уснул.

Его разбудил лязг буферов, голоса. Он вскочил, не соображая, где находится. С гор веял свежий ветер, от которого сухо шелестели листья. Поезд отправлялся. Чурилина нигде не было видно. Где же он? Но долго раздумывать над этим Кныш не мог – колеса вагонов на его глазах приходили в движение. Взвалив на себя снаряжение, он в последнюю минуту успел найти нужный вагон.

– Нельзя, никак нельзя, – с сожалением произнесла проводница, молодая еще женщина. – Ни одного свободного места нет, честное слово.

– А мой билет? – удивился парень.

– На следующий поезд. Придется вам подождать.

На следующий поезд? Чурилин, наверное, ошибся и вручил ему не тот билет, свой. Кныш вернулся на прежнее место, под тополя, но Чурилина и там не было. Только тогда до его сознания дошло: напарник предпочел обманом ускользнуть от него!

Последние вагоны скрылись за поворотом – в одном из них находился Аггей Чурилин. Где-то неподалеку он, конечно, выскользнет из тамбура, притаится за насыпью и уйдет в сторону границы. Но почему он догадался, что старый приятель помешает ему вернуться на ту сторону, на Запад? Помешает доложить о выполненном задании и получить доллары, заработанные на его судьбе?

Кныш долго размышлял. Все получилось не так, как он предполагал ранее. И именно теперь настал час решений, час действий. Полностью освободиться от страхов, разобраться в сомнениях он так и не сумел, однако главное представлялось ясным.

С первым же поездом он покинул станцию, но поехал не в Тбилиси, а в обратном направлении, и к вечеру прибыл в Ереван, взял такси и попросил отвезти его в Комитет государственной безопасности.

... Потом самолетом добрался до Ростова. В тот самый день, назначенный Чурилиным, до вечера проторчал на вокзале. Аггей так и не появился. Видимо, он тогда, не мешкая, напрямик пошел за кордон. Наверное, у них все было заранее условлено с Оглу, и проводник поджидал его на пути. Перестраховались, прохвосты!

Через несколько дней Кныш сидел в кабинете полковника Соколова на площади Дзержинского в Москве и обстоятельно рассказывал о том, что заставило его прийти с повинной. Полковник весьма интересовался обучением в форту Брэгг и встречей там с человеком, пославшим Степана Кныша нелегально в Советский Союз.

Докладывая генералу Тарханову, Соколов убежденно произнес:

– Это действительно был Патрик Смит. Безусловно он – и приметы сходятся, и сроки.

– Возможно... – генерал задумался. – Форт Брэгг... та-ак, десанты! – в голосе его слышался гнев. – Что вы предлагаете, Иван Иванович? Я имею в виду Кныша.

– Предлагаю дать ему возможность искупить невольную вину перед родиной.

– Конкретнее, – генерал испытующе посмотрел Соколову в глаза.

– Кныш послан к нам с агентурным заданием. Под фамилией Мухина он должен был добраться до Сосновска и осесть там. Рацией его заблаговременно снабдили, но предупредили, что он обязан ждать, когда резидент разведки сам установит контакт с ним. Пароль: «Вам привет от дяди Сени». Я полагаю, Кныш-Мухин должен немедленно отправиться в Сосновск и легализоваться там, как это было запроектировано в разведке. Рано или поздно или «дядя Сенья», или его подручный придут на связь с ним, и тогда мы получим возможность сорвать какую-то операцию, разработанную, очевидно, Смитом.

– А вас не смущает бегство Чурилина? – спросил Тарханов.

– Само по себе – да, но в отношении использования нами Кныша – нет. Ведь они расстались до того, как Кныш пришел к нам с повинной.

– Я согласен, пусть Кныш едет в Сосновск, – сказал Тарханов. – О Чурилине пограничники еще ничего не сообщали?

– Нет, товарищ генерал.

– Теперь вернемся к Смигу, – продолжал Тарханов. – Судя по некоторым фактам, он получил какое-то поручение от своего начальства, для выполнения которого ему потребовалось, в частности, перебросить к нам Кныша с рацией. С того дня, когда он в форту Брэгг разговаривал с Кнышем, прошло немало времени... Где же сейчас Смит? Вы думали об этом, Иван Иванович?

– Да, товарищ генерал, – отозвался Соколов. – Посылая людей в помощь себе, Смит, естественно, не должен был долго задерживаться в Штатах.

– Вывод, вывод, Иван Иванович!

Соколов в раздумье вскинул густые брови.

– Его появления надо ждать со дня на день.

– А если он уже проник на нашу территорию? – с едва заметной досадой сказал Тарханов.

– Воз-мож-но... – начиная догадываться, согласился полковник. – Если руководство операцией поручено лично Смиту, то...

Тарханов усмехнулся:

– Этот вариант следует проверить немедленно, – приказал он. – Кое-какие материалы я вам вручу сегодня же, они помогут вам. А Кныша не задерживайте, отправьте его, и побыстрей, да подумайте о том, чтобы как-то не расшифровать его: если дядя Сеня догадается, что парень работает с нами, дело может принять плохой оборот.

– Будет исполнено, товарищ генерал, – и полковник покинул начальника управления.

Глава пятая

К вокзалу Красногорска поезд из-за рубежа прибыл утром. Пассажиры поспешно покидали вагоны, всем хотелось как можно быстрее покончить с неизбежными при переезде границы формальностями и ехать дальше – теперь уже по территории Советского Союза.

Машинист, пожилой поляк, выглянул с паровоза и цепким взглядом окинул перрон: все, как обычно, – пестрая толпа пассажиров, туристы и командированные, иностранцы и русские, наряды пограничников контрольно-пропускного пункта, спокойные и внимательные люди в зеленых фуражках. Присутствие пограничников было совершенно естественно, машинист это хорошо понимал, – через Красногорск ежедневно проходят десятки поездов с людьми и грузами, на станции должен быть порядок. Нет, оснований для беспокойства взгляд машиниста не зафиксировал. Он обернулся к своему помощнику и тихо произнес:

– Вам пора, Ян.

Тот молча направился к двери.

– Он должен быть здесь ровно через два часа, – в голосе железнодорожника чувствовалась озабоченность.

Ян снова ничего не сказал: сейчас не время болтать о том, о чем было заранее договорено.

Он покинул паровоз, одетый в обычный для помощника машиниста изрядно поношенный и в меру замасленный костюм из черной ткани. В руках у него ничего не было. Он не спеша прошел по перрону, через служебные ворота направился к перекинутому через пути высокому мосту, ведущему в город. В манерах и поведении не было ничего такого, что выделяло бы его из множества иностранных железнодорожников, прибывающих каждый день в Красногорск со своими поездами. Как и он, они обязательно хотели побывать в городе, одни шли в магазины и рестораны, другие – просто осмотреть город, посетить места жестоких боев с гитлеровскими захватчиками летом 1941 года. И никто не стесняет их передвижения, не следит за ними.

Резидент разведки, предложивший именно такой метод заброски Яна Войцеховского на советскую территорию, знал, что делал. Теперь осталось не обращать на себя излишнего внимания горожан и не сбиться с пути. Бывать в Красногорске раньше Яну не доводилось, и тем не менее расспрашивать кого-либо нечего было и думать, идти на явку надо руководствуясь планом города, основательно изученным накануне. Необходимо лишь проверить, не сбился ли он с пути. Ага, вот улица имени Дзержинского, в стороне от нее – Советская, а там, дальше, будет бульвар, надо обогнуть костел... И Ян уверенно направился вперед. Он шел довольно долго. За костелом начиналась нужная ему длинная улица с маленькими домиками, скрытыми в тени садов, в буйной зелени деревьев и зарослях сирени и акаций. Ян посмотрел на номер – Мицкевича, 73 – и уверенно нажал на кнопку звонка. Из-за двери женский голос спросил:

– Кто?

Он тихо ответил:

– Ян Войцеховский.

– К кому?

– К панне Ядвиге.

Загремели цепочкой, открывая дверь.

Офицер контрольно-пропускного пункта, стройный, сероглазый Федор Иванович Ключев, служил в Красногорске уже не один год. Повседневная, полная суеты и хлопот жизнь пограничной станции имела свои закономерности, которые он хорошо изучил.

Наблюдательность, чутье чекиста на контрольно-пропускных пунктах нужны ничуть не меньше, чем на заставах, а может быть, и больше. На заставах любой человек, попытавшийся перейти границу, – нарушитель, и его надо немедленно задержать. А через контрольно-про-

пускные пункты ежедневно проезжают сотни людей. И среди этого потока людей надо уметь распознать врага или нарушителя пограничного режима. А враги и нарушители стараются как можно лучше замаскироваться, часто и документы у них безупречные, и вещи в полном порядке. Нужно иметь опытный глаз, чтобы по какой-то, порой незначительной, детали разгадать человека, пытающегося незаконно пересечь государственную границу.

В это утро капитан Ключев обратил внимание на сошедшего с польского паровоза помощника машиниста. У Ключева была натренированная память на лица, и при одном взгляде на Войцеховского он мог поручиться, что тот прибыл в Красногорск впервые. Само по себе это обстоятельство, конечно, ровно ничего не значило, несколько странным показалось другое – Войцеховский отправился в город один, тогда как обычно «новички» знакомились с Красногорском в компании с теми из поездной бригады, кто уже бывал здесь. И хотя Ян Войцеховский пошел один, дороги он ни у кого почему-то не спрашивал. Вниманием капитана Ключева это было зафиксировано как-то подсознательно, интуитивно. Когда же через два часа Ян Войцеховский возвратился, Ключев не мог не заметить разительной перемены в его поведении: от былой уверенности ничего не осталось, двигался он медленно, как-то смущенно, то и дело оставался. А так как до его появления к вокзалу подошел новый состав, он, видимо, не знал, к какому паровозу ему направиться, и внимательно разглядывал номера. Это уже серьезно насторожило капитана Ключева: чтобы помощник машиниста не знал своего паровоза – такого ему еще не приходилось видеть! Как бы невзначай Ключев поравнялся с растерявшимся железнодорожником и посмотрел ему в лицо – перед ним был не Ян Войцеховский, а человек, которого он никогда не видел. Ключев решил проследить, что будет дальше. Незнакомец приблизился наконец к нужному ему паровозу и что-то тихо сказал. Из окошка выглянул машинист.

– Это ты, Ян, – приветливо сказал он, – молодец, что не опоздал.

Незнакомец спокойно поднялся на паровоз, но теперь Ключев был абсолютно уверен, что это вовсе не тот человек, которого он видел два часа назад уходящим в город.

– Вы не ошиблись? – спросил Ключева начальник контрольно-пропускного пункта в Красногорске подполковник Михаил Емельянович Шелест.

– Нет, не ошибся, – уверенно сказал Ключев, – я хорошо рассмотрел и того и другого, они даже ничуть не похожи.

Шелест на минуту задумался.

– Вот что, – произнес он наконец. – Берите мою машину – и быстро на границу. Там, у моста, вы снимете с паровоза фальшивого помощника машиниста и доставите его сюда. Ну а с машинистом поговорят наши друзья – польские пограничники.

– Разрешите выполнять, товарищ подполковник? – вытянулся Ключев.

– Выполняйте. Наряд солдат возьмите на посту у моста.

– Слушаюсь, товарищ подполковник. – Капитан Ключев повернулся и быстро вышел.

Он понял, что задерживать нарушителя на станции начальник не хотел – поезд должен отойти как обычно, без всякого шума.

Шелест поднял трубку телефона и попросил майора КГБ Спорышева срочно зайти к нему. Действовать надо было немедленно. Необходимо принять срочные меры, чтобы найти того, кто прибыл из-за кордона под видом помощника машиниста и остался в городе.

Майор Спорышев, средних лет коренастый блондин, с зачесанными назад волосами, как всегда спокойный и рассудительный, пробыл у Шелеста недолго.

– Ну что ж, – задумчиво произнес он, выслушав сообщение пограничника, – я доложу своему руководству, и меры к розыску мы примем немедленно. Возможно, нам поможет нарушитель, которого сейчас задержит капитан Ключев.

– Вряд ли... – усомнился Шелест.

– Не захочет говорить? – Спорышев поднял брови.

Шелест почти сердито сказал:

– Мы с вами не знаем, какова будет ценность того, что он нам скажет.

– Вы, Михаил Емельянович, опасаетесь, что они заранее подумали...

– ...О том, чтобы он в случае провала не мог выдать их? Вот именно, – закончил Шелест.

Подполковник постучал косточками согнутых пальцев по столу.

– Все это не так просто, майор. Хотя я и уверен, что пропавший Ян Войцеховский скоро будет обнаружен.

– Почему вы так думаете? – поинтересовался Спорышев.

– Судите сами, – Шелест встал и подошел к карте пограничного района, обслуживаемого контрольно-пропускным пунктом, – сидеть Войцеховскому в Красногорске незачем, это совершенно ясно. Очевидно, он имеет задание уехать в наш тыл. И он постарается уехать как можно скорее.

Майор Спорышев задумчиво произнес:

– Хочется верить, что мы найдем и схватим этого человека. Но схватим мы его при попытке покинуть город, так сказать, под открытым небом! А ведь где-то в нашем городе имеется неизвестное нам убежище, в котором его до поры до времени прячут.

– Вот явку-то вы и должны разыскать, – твердо сказал Шелест.

Было условлено, что после проверки на КПП факта подмены помощника машиниста задержанный будет тотчас передан в распоряжение Областного управления государственной безопасности.

Операцию по снятию с паровоза лжежелезнодорожника капитан Ключев провел аккуратно. «Эрзац» Яна Войцеховского оказался трусливым и туповатым парнем. На первый же вопрос капитана: «Вы советский гражданин?» он ответил утвердительно и назвал себя Сигизмундом Васюкевичем.

Машинист яростно сосал сигарету – понимал, что стоит составу миновать железнодорожный мост, как на той стороне придется иметь дело со своими, польскими пограничными властями и вряд ли удастся отвертеться от ответа.

Поскольку личность Васюкевича была установлена, его передали в распоряжение майора Спорышева.

Первая же беседа с задержанным дала майору важные сведения. При допросе выяснилось, что по национальности Сигизмунд Васюкевич поляк, в Советском Союзе проживает давно, принял советское гражданство, вместе с братом работал под Москвой, в лесничестве. Парень производил впечатление недалекого человека. Газет он почти не читал и о событиях в мире представление имел весьма смутное. О существовании специальной конвенции, разрешающей польским гражданам свободно репатриироваться на родину, он не слышал, а уехать на родину очень хотелось. На вопрос Спорышева, почему же он не обратился в соответствующие органы с просьбой о разрешении на выезд, Васюкевич, запинаясь и краснея, признался, что когда-то совершил преступление, за которое был советским судом осужден, отбывал наказание.

– Но это обстоятельство не может служить препятствием к репатриации на Родину, – недоверчиво заметил Спорышев.

– Не может?! – глаза парня округлились в крайнем удивлении. – А он говорил... – и Васюкевич умолк.

– Кто он? Что он вам говорил? – допытывался майор, но задержанный упорно молчал. Он, очевидно, боялся замешать в свои дела брата Казимира – лесничего, который в ближайшее время возвращается в Польшу «по всем правилам», официально. Не сказал он ни того, кто и к кому направил его, ни того, где и у кого проживал в Красногорске. Что же касается рабочего костюма железнодорожника, то подтвердил, что действительно получил его сегодня

утром, однако кому этот костюм принадлежал раньше, он будто бы понятия не имеет. Парень всячески вилял, ссылаясь на провалы памяти, незнание города. По-видимому, кто-то сумел убедить его в том, что для него существует лишь один путь возвращения на родину – нелегальный, – и что в случае задержания пограничниками с него лично советские власти строго не спросят. В Красногорске с Васюкевича взяли большие деньги за то, чтобы устроить на паровоз под видом помощника машиниста Яна Войцеховского. О подлинном Яне Войцеховском, вместо которого он явился на станцию, Васюкевич ничего не знал и теперь убивался, что все его деньги пропали. «Под контрабандиста работает, – подумал Спорышев о хозяине явки. – Парня, кажется, одурачили». Но показания Васюкевича нуждались в тщательной проверке. Васюкевич был озлоблен провалом и, не таясь от Спорышева, зло ругал себя за то, что струсил в момент появления на паровозе советского пограничника и сразу же «раскололся».

Отправив задержанного в камеру, Спорышев хотел было идти обедать, но неожиданно получил приказание оставаться на месте и ждать телефонного звонка в КПП, от подполковника Шелеста.

Глава шестая

Шелест заговорил было о том, что за долгих шестнадцать лет пограничной службы на Камчатке и Курилах он не видел столько коварства и подлости со стороны врагов его Родины, сколько в Красногорске всего за три года, но взглянул на часы и быстро поднялся с места:

- До отхода поезда на Москву остается десять минут.
- Я помогу Клюеву, товарищ подполковник, – предложил офицер Крапоткин.
- Да, да, идите...
- Слушаюсь, – Крапоткин стремительно вышел.

Шелест подошел к окну кабинета – отсюда как на ладони был виден перрон и поезд, готовый к отходу на Москву.

Капитан Клюев нервничал – через несколько минут поезд уйдет, а Ян Войцеховский все еще не появлялся. Неужели выводы, к которым пришел начальник КПП, ошибочны? Нет, не может быть! Нельзя Войцеховскому скрываться в Красногорске – риск! Ему обязательно следует поторопиться. К тому же вряд ли ему известно о том, что произошло с заменившим его на паровозе Васюкевичем. Задержание произведено буквально за одну минуту до того, как поезд пересек государственную границу, на территории пограничной зоны посторонние люди эту операцию видеть не могли.

Однако время шло, а Войцеховского не было.

До отхода поезда осталось три минуты, перрон опустел, и капитан с испугом вдруг подумал: «А может быть, я проглядел, и он сейчас спокойно расположился уже в каком-нибудь купе? Я мог и не узнать его, ведь он переоделся».

До отхода поезда осталась одна минута. И тут Клюев наконец-то увидел человека, сегодня утром покинувшего польский паровоз в промасленной одежде железнодорожника. Теперь тот был в ничем не примечательном костюме. Соломенная шляпа, перекинутый через плечо старенький пыльник, небольшой дорожный чемодан в левой руке. И все-таки это был он!

«Правая рука у него свободна», – отметил Клюев и пошел навстречу.

Поезд трогался. Войцеховский быстро сбегал по деревянной лестнице к перрону. Поезд уже шел. Войцеховский бросился к вагону, но неожиданно почувствовал сильный рывок назад. Он обернулся: перед ним стоял капитан-пограничник, худощавый и строгий, тот самый, которого сегодня утром он видел на другом перроне, с противоположной стороны вокзала. Что это – случайность или провал? Он снова рванулся, но последний вагон был уже далеко.

– В чем дело? – возмутился Войцеховский.

– Прошу, – капитан сделал приглашающий жест.

Обращать на себя внимание публики не имело смысла. Войцеховский огорченно пожал плечами и со страдальческим выражением лица зашагал рядом с Клюевым. Позади шел другой капитан, с длинными черными усами, а на обоих концах перрона стояли солдаты в зеленых фуражках – наряды пограничников с КПП. О бегстве сейчас нечего было и думать.

Сначала он предъявил довольно потрепанный паспорт, выданный милицией еще в ноябре 1953 года... По паспорту значился он жителем Москвы – Макаровым Леонтием Ильичом. С фотокарточки смотрели на Шелеста наглые, чуть навывкате глаза человека, который сейчас сидел перед ним. Предъявил он и служебное удостоверение одной из столичных хозяйственных организаций, в коем значилось, что работает гражданин Макаров в отделе снабжения. А еще бумажка удостоверяла: послан Макаров в город Красногорск в командировку.

Держался он спокойно, не выражал бурного возмущения, не заявлял резких протестов против задержания, хотя и было заметно, что инцидент ему весьма неприятен.

Шелест снова и снова внимательно рассматривал документы задержанного – подлинные они или очень уж искусно сфабрикованы? Но на этот вопрос могла ответить лишь экспертиза.

Подполковник аккуратно сложил документы и положил их на стол, перед собой. На холерной, гладко выбритой физиономии Макарова-Войцеховского появилось выражение удивления и недовольства.

– Надеюсь, вы удовлетворены? – обратился он к подполковнику.

Шелест сухо произнес:

– Мы вынуждены проверить ваши документы, гражданин.

Раздраженно Макаров спросил:

– По какому, собственно, праву вы меня задерживаете? Из-за вас у меня пропал билет до Москвы...

Подполковник резко возразил:

– С билетом дело поправимое, а задержали... значит, нужно – здесь ведь пограничная зона.

– Я могу наконец быть свободен?

– Пока нет... Вот проверим ваши документы, и поедете куда следует...

Макаров резко встал.

– Вы обязаны объяснить мне, в чем меня обвиняете! – произнес он взволнованно.

– Ни в чем пока не обвиняем.

– Так в чем же дело? – глаза Макарова выражали удивление. Неожиданно он хлопнул себя рукой по лбу и рассмеялся: – Простите, товарищ подполковник, уж не считаете ли вы меня, чего доброго, нарушителем границы? Может, я для вас сейчас какой-нибудь агент империалистической разведки, а?

Шелест строго сказал:

– Не волнуйтесь, разберемся. Проверка много времени не займет.

Макаров огорченно пожал плечами:

– Тут какое-то недоразумение, товарищ подполковник.

На этом беседа кончилась.

Личный досмотр задержанного особых результатов не дал – в чемодане, кроме пары белья, зубной щетки и туалетного мыла, ничего не оказалось; в карманах, за исключением носового платка с вышитой золотистым шелком стрелой на синем фоне, абсолютно ничего не было.

Документы передали в лабораторию, но Шелеста не оставляло беспокойное чувство: надо, обязательно надо сделать еще что-то. Но что?

Погруженный в свои мысли, мучительно пытаясь поймать все время ускользавшую догадку, Шелест чисто механически через каждые несколько минут задавал капитану Клюеву один и тот же вопрос:

– А вы не ошиблись, уверены, что задержанный нами Макаров и Ян Войцеховский одно и то же лицо?

И каждый раз капитан твердо отвечал:

– Можете не сомневаться, товарищ подполковник, я ж его утром рассмотрел как следует.

В таком случае, этот лже-Макаров тянет. Зачем? Ведь он отлично понимает, что будет изобличен. Стало быть, ему нужно выиграть время? Для чего? Вряд ли он захочет в ближайшие дни объяснить это, но раз он стремится получить нужное ему время, задача пограничников КПП – как можно скорее выяснить его личность. И тут одни документы всего не скажут, нужно что-то другое, то самое, над чем Шелест сейчас ломал себе голову.

Вдруг он возбужденно поднялся с места и снова принялся разглядывать обнаруженные при Макарове вещи.

– Та-ак, – вслух рассуждал Шелест, – будем исходить из того, что этот гражданин не Макаров, а прибыл к нам сегодня утром из-за кордона. Здесь, в городе, он имел явку, на которой его снабдили советскими документами и одеждой... Но посмотрите, капитан, на носовой платок... Что вы замечаете?

Клюев смущенно молчал: платок как платок. Шелест озабоченно продолжал:

– Ведь при нем оказался единственный носовой платок, вот этот – с золотой стрелой на синем фоне. Взгляните, он смят и неопрятен, им пользовались по крайней мере недели две-три. Так что же, вместе с другими вещами на явке вручили этому субъекту и грязный носовой платок? Сомнительно.

– Значит, этот платок был у него еще до того, как он прибыл в Красногорск, – произнес Клюев, начиная догадываться, в чем дело.

– Вот именно, – подтвердил Шелест, – это, по-видимому, единственная вещь, с которой он не расстался, переходя границу. Спрашивается – почему? В таких обстоятельствах случайностей не бывает.

События развивались в обычной для таких историй последовательности: тщательно проведенная экспертиза установила, что с паспорта москвича Леонтия Макарова была аккуратно удалена фотография и на ее место искусно наклеена новая карточка того, кто был задержан пограничниками КПП. На запрос в Москву был получен ответ, что месяцев пять назад у служащего Л.И. Макарова был похищен паспорт.

Теперь задержанного можно было передать в Управление госбезопасности – пусть там ведут следствие.

Шелеста крайне интересовали результаты химической обработки вещей нарушителя. Химическая экспертиза не заставила себя ждать: на платке был обнаружен кодированный текст. Однако расшифровать его пока не удалось.

Кто же этот человек? Что за сообщение вез он из-за кордона? Кому оно предназначалось? В характере текста можно было не сомневаться, он мог содержать только какое-то приказание разведки. Но какое и кому? И почему для доставки его адресату потребовалось специально посылать человека?

Поскольку появление на советской территории неизвестного было связано с попыткой нарушения границы Васюкевичем, ведение следствия и по этому делу поручили майору Спорышеву.

Лже-Макаров появился в кабинете спокойный, но явно настороженный. Присутствие Шелеста определенно сбивало его с толку, не давало ему возможности сразу же определить – раскрыт он или еще нет, и в зависимости от этого принять решение о линии поведения на следствии. На этот раз он начал с протеста, но Спорышев резко прервал его:

– Перестаньте! Почему вы, Ян Войцеховский, пытались с чужими документами уехать в глубь советской территории?

– В глубь советской территории?! Нет, это уж чересчур! Я еду домой к жене, к детям, в Москву, а не куда-то «в глубь»...

– Пора кончать комедию... – И Шелест зачитал выводы экспертизы и телеграмму из Москвы.

Неизвестный опустил голову и затих.

– Ну что же, будете теперь говорить? – спросил Спорышев.

– Да... – казалось, он с трудом разжал губы.

Но через минуту уже говорил довольно связно. Да, товарищи начальники правы, никакой он не Макаров, а действительно Ян Войцеховский, помощник машиниста с польского паровоза. На паровоз не вернулся – хотел съездить посмотреть Москву, только и всего. Документы ради этого случая купил у неизвестных.

Спорышев спокойно перебил его:

– Итак, признаете, что вы – Ян Войцеховский и хотите...

– Со следующим же поездом выехать отсюда домой, в Польшу. Вернусь на мой паровоз; машинист, наверное, проклинает меня, ведь ему одному пришлось управляться тогда с паровозом.

Стало быть, он уверен, что фокус с заменой его Васюкевичем не разгадан.

– Но как же вы поедете без документов и вашей спецодежды? – с деланой наивностью произнес Шелест. – Куда вы их дели?

Задержанный пожал плечами:

– Мой рабочий костюм остался у тех, кто взамен одолжил мне одежду для поездки в Москву, затрудняюсь указать адрес, ведь я не знаю расположения города... А документы? Остались на паровозе.

– Ну, костюм ваш мы вам поможем найти, – заметил Шелест. – На нем имеются какие-нибудь приметы?

Задержанный на минуту задумался:

– Левый рукав прожжен папиросой, – наконец ответил он, – вот тут... Но вы, конечно, не найдете мой костюм.

– Зачем же унывать? – Шелест говорил подчеркнуто серьезно. – Унывать рано. Итак, костюм остался неизвестно где, а документы на паровозе?

По знаку подполковника капитан Клюев вынул из шкафа костюм, тот самый, в котором задержанный уходил со станции.

– Покажите-ка левый рукав, – приказал Шелест. – Все правильно – прожжен папиросой. Вот видите – и нашли мы ваш костюм. И даже очень быстро. – Он с нескрываемой насмешкой посмотрел задержанному в лицо. Тот сразу обмяк и сидел растерянный, тяжело дыша.

– А вот и служебное удостоверение Яна Войцеховского, оно было у человека, посланного на паровоз вместо вас. Кстати, польский железнодорожник Войцеховский к нам не приезжал, он находится в больнице вот уже больше месяца. А этот документ был у него похищен.

– Кто вы и зачем пробрались на советскую территорию? Ответайте, – приказал майор Спорышев.

После продолжительной паузы задержанный хрипло сказал:

– Вам удалось сцапать меня... Но я не буду давать показаний.

– Посмотрим, – Спорышев приказал увести его.

С этой минуты для майора Спорышева настало поистине время испытаний: арестованный явно тянул, на каждом допросе послушно брал лист бумаги и не спеша, с никому не нужными подробностями описывал обстоятельства своего провала в Красногорске. Над такими «показаниями» он мог трудиться целый день. Спорышев мечтал о той минуте, когда сможет наконец предъявить ему обвинение не только в нелегальном переходе границы, но и в шпионской деятельности, но для этого приходилось ждать результатов расшифровки написанного особыми чернилами текста на носовом платке. Однако шифр упорно не поддавался, и его пришлось отправить специалистам в Москву.

Затем неожиданно в Москву пришлось препроводить и самого иностранного лазутчика. В предписании, полученном на сей счет из Центра, указывалось, что следствие поручено вести полковнику Соколову.

Глава седьмая

В начале июня погода установилась сухая, жаркая. За окном кабинета, над просторной площадью имени Дзержинского, с утра до позднего вечера висело солнце, раскаленное добела. Это было в то время, когда москвичи обычно мечтают о тенистой зелени загородных дач или о пляжах на берегу Черного моря. Но полковнику Соколову не до отдыха. Секретный код, примененный некой иностранной разведкой, был все-таки раскрыт, и текст, обнаруженный на платке, расшифрован. Послание адресовано Патрику Смигу. Это сразу же насторожило и Соколова, и начальника управления: они знали, Патрик Смит – крупный разведчик, пустяками не занимается. Тот факт, что задержанный пограничниками в Красногорске агент направлялся к нему, заставлял с особым вниманием отнестись ко всему этому делу. Содержание текста на платке было кратким:

«Дорог каждый час. Операцию форсируйте всеми средствами. Скунса использовать только для помощи пану Юлиану».

Дорог каждый час! Сейчас это в одинаковой мере относилось и к Соколову – враги спешат, их надо немедленно обезвредить. Но кто они? Где? Что это за операция?

Где-то пока беспрепятственно орудует враг по кличке «пан Юлиан», и из-за кордона в помощь ему направлен Скунс – лазутчик, которого схватили в Красногорске. Скунс, конечно, тоже кличка, и довольно мерзкая, – так называется зверек, который водится в Северной Америке. В просторечии зверька этого обычно именуют вонючкой. Все это Соколов помнил еще с юношеских лет, когда с увлечением перечитывал богато иллюстрированные тома «Жизнь животных» Брэма.

Какое же конкретно было задание у пана Юлиана и Скунса? И почему последнего направили не непосредственно к агенту Юлиану, а к Патрику Смигу? Совершенно ясно, что дело тут вовсе не в том, чтобы передать зашифрованную инструкцию, ее-то Смит наверняка давно получил, а в чем-то ином. В чем же? Ответ на все эти вопросы мог дать доставленный из Красногорска Скунс, но тот продолжал упорно молчать. Однако теперь, после того как шифр был раскрыт, положение изменилось. Всесторонне продумав материалы дела, полковник позвонил по внутреннему телефону и велел привести Макарова-Войцеховского на допрос.

– Пора кончать, Скунс, – сухо сказал полковник, как только арестованный опустился на стул. Агент наклонил голову и принялся рассматривать свои ногти: видимо, он хотел собраться с мыслями. Соколов спокойно продолжал:

– Молчанием вы только усугубили ваше положение. Вы ошибочно полагали, что для нас важнее всего установить вашу личность, выяснить ваше имя, но для нас это сейчас не имеет первостепенного значения, тем более, что имен вы, наверное, столько переменили на своем веку... Вряд ли и сами помните теперь, как вас звали в детстве... Для нас было важнее получить доказательства того, что вы являетесь агентом иностранной, или, как вы в Красногорске иронизировали, империалистической разведки, и пробрались в нашу страну как шпион. Мы с самого начала понимали, что это так, и взывали к вашему благоразумию, но вы молчали, почему-то не захотели воспользоваться шансом, который у вас был.

– Был... – почти беззвучно прошептал человек у стола.

– Да, был... – Соколов сделал на последнем слове ударение. – Теперь такого шанса у вас нет, мы установили не только вашу принадлежности к иностранной разведке, но и задание, с которым вас перебросили на нашу территорию. Для того, чтобы предать вас суду, нам уже не обязательны ваши признания. Вот и все, что я хотел сообщить вам. До суда можете отдыхать в камере. – Полковник взялся за телефонную трубку.

Скунс явно нервничал, даже вскочил на ноги.

– Я буду давать показания, – хрипло произнес он.

Полковник с усмешкой посмотрел на него.

– Слушаю вас. Уточните задание, с которым вы посланы к нам.

– Я не знаю задания. Верьте, я говорю правду!

– Много же времени потребовалось вам для того, чтобы дать мне столь ценное показание.

– Но это так – клянусь вам!

– Клятвы ваши – товар не ходовой. Сначала клялись, что вы Макаров, потом клятвенно же уверяли, что вы – Ян Войцеховский, сейчас... Мы зря только теряем время. Даю вам последнюю возможность облегчить вашу участь... Скажите, когда и где вы должны были встретиться со Смитом, прежде чем отправиться к пану Юлиану?

Скунс бросил на полковника удивленный взгляд.

– Вы и это знаете... – прошептал он упавшим голосом.

– Как видите, знаем.

– Пятого числа этого месяца на станции метро «Красные ворота». Если бы пятого свидание почему-либо не состоялось, то на следующий день, в два часа, в музее в Останкино. Ко мне должен был кто-то подойти.

– От Патрика Смита?

– Да. Что последовало бы дальше, не знаю. Я получил приказ добраться до Москвы – и только.

– Сегодня седьмое июня. – Соколов с ненавистью посмотрел на шпиона: так вот почему тот молчал, он спасал от провала Смита или кого-то из его людей, поджидавших Скунса вчера в Останкино.

– Затем вас связали бы с резидентом разведки паном Юлианом?

– Да. Но я даже рад, что мне не пришлось с ним работать.

– Почему же?

– Пан Юлиан – страшный человек. В разведке о нем ходят легенды... Он может уничтожить, убить за малейший промах, особенно если почувствует, что подчиненный ему агент попал под подозрение. Пан Юлиан коварен и хитер. – В голосе Скунса слышались профессиональное восхищение резидентом и страх перед ним.

– Задание!

– О задании вам мог бы сказать только пан Юлиан, он старший, он и знает... Вам, полковник, придется сначала поймать его, а потом уж судить меня за соучастие в его преступлениях. – Скунс закрыл глаза и устало опустил на стул. – К сожалению, я не могу помочь вам, я не имею никакого представления о том, где находится Юлиан, – в Поволжье, на Урале, а может быть, в Донбассе или в Сибири.

– Поменьше нахальства, Скунс, – холодно сказал Соколов. – Что вы знаете о сфере деятельности резидента пана Юлиана? Я порекомендовал бы вам быть подальновиднее и искреннее.

Скунс задумался.

– А почему бы и нет? – произнес он наконец. – Собственно говоря, вреда я вашей стране еще не принес, а пользу... Во всяком случае, прошу учесть мое стремление быть вам полезным... Я буду откровенен.

– Продолжайте, я вас слушаю.

Почти шепотом Скунс сказал:

– Юлиан работает на одном из ваших металлургических заводов. – И инстинктивно оглянулся – он трусил.

На металлургическом заводе! Вот она, наконец, ниточка, которой так не хватало следствию. Под какой же личиной он скрывается на заводе? Скунс решительно утверждал, что этого он не знает и что в лицо пана Юлиана никогда не видел. В этом ему можно было, пожалуй, поверить. Должно быть, правду сказал он и насчет местопребывания резидента. Осложнять

свое незавидное положение ложью в этом вопросе шпион вряд ли рискнул бы, о своей голове он как-никак, беспокоился.

Соколов докладывал начальнику управления о ходе следствия. Генерал, склонив тронутую сединами голову над письменным столом, делал пометки в своем блокноте.

– Вы все-таки полагаете, что Скунс начал говорить правду? – спросил он наконец и откинулся в кресле.

Соколов осторожно ответил:

– Во всяком случае, его показания заслуживают внимания.

– Вы провели необходимую работу?

– Да. – Полковник снова открыл папку с бумагами. – Вот список наиболее важных заводов.

– И что же?

– Я познакомился с тем, какую продукцию выпускают эти заводы, какие специальные работы на них ведутся... Иностранная разведка много дала бы за то, чтобы получить сведения о некоторых из них...

– Но резидент пан Юлиан действует на одном заводе, – прервал генерал, – и мы должны найти его. Что вы предлагаете?

– Резиденту на заводе нужен помощник. К нему направили Скунса, он не дошел. Можно предполагать, что они пошлют нового агента.

После продолжительной паузы начальник управления сказал:

– Что же, думаю, вы правы. Иностранная разведка прониюхала о чем-то, что их весьма заинтересовало, и вот налицо шпионская операция. А раз к операции приступили, они будут ее продолжать. Однако вряд ли нового агента они пошлют через контрольно-пропускной пункт. Немедленно предупредите пограничников.

– Слушаюсь.

– Все материалы о заводах оставьте у меня, – приказал генерал и задумчиво продолжал – он, очевидно, хорошо замаскировался.

Соколов заметил:

– Скунс характеризует пана Юлиана как весьма опытного агента, не брезгующего никакими средствами.

– И нам теперь известно, что этот субъект активно действует. Надо найти его, – произнес генерал.

– Мы придем к нему по следам его нового помощника. – Казалось, Соколов был уверен в своих выводах.

– Возможно, возможно... – генерал недовольно поморщился. – Вы же понимаете, что только на этом мы не можем строить расчеты. К вечеру подготовьте ваши предложения.

– Слушаюсь, – полковник быстро вышел из кабинета начальника.

Глава восьмая

Прошло немало времени, но дело вперед не подвинулось. Показание Скунса повисло в воздухе – металлургических заводов в нашей стране великое множество и каждый из них, взятый в отдельности, мог представлять определенный интерес для иностранных разведок. На одном из них сидит лазутчик пан Юлиан. Но на каком именно, какой секрет норовит украсть, за кого себя выдает, как он выглядит, – ничего этого известно пока не было. Да и вообще утверждение Скунса могло быть просто выдумкой. Что касается Оглу и Чурилина, сопровождавших Мухина из-за кордона на советскую территорию, то выяснилось, что в возвращении одного из них на ту сторону наши пограничники не сомневались. Второму, видимо, удалось уйти незамеченным.

Степан Кныш поселился в небольшом городке, определенном для него иностранной разведкой, сообщил по радио о благополучном закреплении и стал ждать задания, с которым к нему кто-то должен прийти. Он уже начал думать, что о нем забыли, но полковник Соколов не сомневался: настанет час, в который враги «оживут». И он оказался прав. От Мухина пришло срочное донесение. Вчера кто-то позвонил ему на работу и посоветовал заглянуть в почтовый ящик на двери квартиры, в которой он проживал. Голос был незнакомый. Вечером, возвратившись с работы, Мухин обнаружил в ящике письмо без почтового штампа, написанное печатными буквами, из которого узнал: скоро к нему явится человек «оттуда», предъявит платок с золотой стрелой на синем фоне. Мухину приказывалось беспрекословно выполнять распоряжения новоявленного шефа.

Опять золотая стрела! Что это – случайность? А если это то, что полковник Соколов ожидал, – продолжение операции, ради которой пытались забросить к нам Скунса? Скорее всего, так оно и есть. Но при этом выходило, что Скунс сказал тогда не все: платок с изображением золотой стрелы на синем фоне был не только носителем шифра, но и паролем! Что же может в таком случае означать появление с этим же самым паролем нового агента? И какая тут может быть связь с паном Юлианом? Ведь поблизости от пункта, в котором проживает Мухин, никаких металлургических заводов нет, а значит, и пан Юлиан находится где-то в ином месте. Какая же связь между ним и новым человеком «оттуда»? Кроме того, если речь идет только о новом помощнике пана Юлиана, то почему в его распоряжение передают других агентов?

Что касается Мухина, то теперь Соколову было ясно, что в течение значительного времени вражеская разведка чего-то выжидала, и все это время он находился под наблюдением людей Смита.

Но главное сейчас заключалось в другом: является ли человек «оттуда» новым помощником пана Юлиана, присланным взамен Скунса? Значительное расстояние между местопребыванием Мухина и ближайшими к нему металлургическими заводами заставляло в этом предположении усомниться. Тут что-то было не то. Кто же придет к Мухину? И какое все это имеет отношение к операции Патрика Смита?

Время тянулось мучительно медленно. Однако ни на следующий день, ни через неделю к Мухину почему-то никто не пришел. Не появлялись вновь и посыльные от «дяди Сени».

Аэростат стремительно несло на восток. Темная бездна распростерлась внизу более чем на тридцать километров. В глубине ночного неба мерцали далекие звезды. Было страшно холодно. Воздушный шар все продолжал подниматься.

С помощью таких шаров американцы систематически исследуют «струйные течения», вихревые потоки воздуха на большой высоте. Вихревые потоки имеют иногда ширину до тысячи километров, скорость ветра достигает порой шестисот километров в час. «Струйные течения» в верхних слоях атмосферы идут с запада на восток, что и наводит американских разведчиков на соблазнительную мысль – использовать их в своих целях. Вот и этот летящий

на восток аэростат был поднят в воздух с горного плато в Баварии. Однако на этот раз кроме различной аппаратуры к аэростату прикреплена герметически закрытая кабина с облаченным в меха человеком в ней.

В полной темноте аэростат быстро приближался к советской границе. Пассажир настороженно смотрел вниз, на скрытую ночной темнотой и сплошной облачностью землю, и, казалось, снова слышал голос Патрика Смита. Смит заранее остановил на нем свой выбор. В случае провала Скунса именно он должен был отправиться в помощь пану Юлиану. Скунс не прошел дальше Красногорска, таким образом, наступила очередь Крысюка.

Поскольку сумма вознаграждения обещана большая, Крысюк не возражал. Крысюку сообщили пароль, явки. Предстояло совершить путешествие по воздуху. Что же, и эта затея Смита Крысюку понравилась: высоты он не боялся, а аэростат имел огромное преимущество перед другими способами преодоления советской границы, способами, чреватых опасностью попасть в руки пограничников. Путешествовать на аэростате шпиону было безопаснее, чем на самолете: он может подняться на высоту, недостижимую пока что даже для лучших истребителей; полет шара бесшумен, а почти полное отсутствие на нем металлических предметов позволяет лететь в заданном направлении не обнаруженным локационными установками.

Крысюк сидел согнувшись. За высокими бортами кабины бушевал ледяной вихрь. Холод стратосферы – вот то, чего раньше Крысюк не принимал в расчет и что он теперь почувствовал на себе. Но сейчас об этом думать было уже поздно – чудовищной силы ураган увлекал его все дальше на восток. Аэростат бросало вниз и вверх, Крысюку иногда казалось, что герметическая кабина с ним вот-вот оторвется и он упадет в бездонную пучину... Однако в этом движении аэростата вместе с вихрем и заключались залог успеха и спасение Крысюка.

Время шло. Крысюк посмотрел на светящийся циферблат часов: советская граница осталась уже позади. Он старался представить, что его ожидает там, внизу.

Прошло несколько часов полета, – в действие снова вступила автоматика: аэростат пошел на снижение. И было самое время, скоро начнет светать.

Земля стремительно приближалась. Небольшая река, лес, поле...

Крысюк внимательно следил за приборами. Вот осталось 200 метров, 100, 50, 20... Пора! Он открыл люк кабины и с силой выбросил за борт якорь. Канат натянулся, и аэростат затрепетал на месте.

Крысюк спешил, он понимал, что дорога каждая минута, – скоро рассвет, его могут обнаружить. Чемодан и рюкзак со снаряжением были осторожно опущены с помощью веревки на землю, после чего Крысюк сбросил с себя меховую одежду и остался в форме офицера Советской армии. Затем он быстро спустился на покрытую высокой травой полянку и сильным ударом ножа перерубил канат. Огромный корпус воздушного шара вздрогнул и, набирая высоту, пошел на восток, – теперь он уходил в свободный полет.

А через четверть часа Крысюк вышел из леса на проселочную дорогу. На перекрестке он постоял в раздумье, сверился с картой и компасом и уверенно зашагал к линии железной дороги, которая должна проходить примерно в десяти километрах от этого места. Он очень спешил. Груз, состоявший из шпионского снаряжения и оружия, давал себя чувствовать.

Крысюк шел проселком, тянувшимся через мелколесье. Скоро на востоке заалел горизонт, кусты лозняка и молодые березы стояли, обильно покрытые ночной влагой, будто инеем. Сильная роса кое-где уже поднималась легким предутренним туманом. Пернатая живность разноголосым пением встречала наступающий день.

Позади затарахтела повозка. Крысюк сошел на обочину дороги. Седенький, древний старик правил довольно резвым жеребцом.

– Что же это вы пешком, товарищ офицер? – старичок остановил лошадь.

Надо было выкручиваться. Крысюк широко улыбнулся.

– Ничего, дедушка... На побывке я... Гостил тут, у друзей, да вот, вишь, не дал председатель колхоза коня – капризный у них там председатель-то...

– Значит, с Крылатовки идете: у них председатель шибко с норовом, – старик укоризненно покачал головой.

– С Крылатовки, точно, – охотно подтвердил Крысюк: это селение значилось на имевшейся у него карте.

Старик оказался человеком добрым и бесхитростным... Он ехал встречать внука-студента из города. На станцию Крысюк въехал на его повозке.

Эту станцию Крысюк покинул с первым же поездом: для него не имело значения, куда именно ехать, главное – как можно скорее и подальше убраться из этих мест, где аэростат, чего доброго, могли и заметить или, еще хуже, захватить, тогда его, Крысюка, будут искать, о нем будут спрашивать, поинтересуются и тем, кто и каким образом появился на станции, допросят словоохотливого старичка, «подбросившего» его к железной дороге...

Припрятав в надежном месте снаряжение, Крысюк появился в Сосновске. Теперь он был уже не в форме старшего лейтенанта, а в поношенном коричневом костюме. На почте его ждало письмо до востребования. Крысюк предъявил паспорт на имя Игоря Васильевича Блистанова и получил его. Автор письма не рассчитывал на скорое прибытие Крысюка – он писал впрок, так сказать, на всякий случай. Крысюк довольно ухмыльнулся, он всегда чувствовал себя спокойнее, зная, что о его пребывании где-либо хотя бы временно не знают даже свои. Решил немного отдохнуть и выждать. Изучил на вокзале расписание поездов, явился затем в гостиницу и, предъявив командировочное удостоверение, выданное облпотребсоюзом города Чебоксары старшему инспектору Блистанову, получил отдельную комнату. Теперь до вечера можно было отдыхать, без помех обдумывая создавшуюся ситуацию.

Вечером тайком Крысюк подобрался к домику, в котором проживал монтер городской электростанции Мухин. У того была какая-то девушка. Через некоторое время она уехала на велосипеде. Провожая гостью, Мухин вышел на улицу и при этом дважды прошел так близко от притаившегося в густой тени деревьев Крысюка, что тот слышал его дыхание.

Затаившись, Крысюк размышлял... Вот он – тихий угол. Здесь ему помогут, введут в курс местной жизни, а главное – по рации немедленно свяжут с разведывательным центром. Он благополучно прибыл, и, хотя бы они того или нет, а доллары на его текущий счет им придется перевести, как условлено в контракте...

И все же Крысюк не пошел к Мухину. Свойственное зверю чутье удержало его: нет, он не знал, каким стал агент Смита Степан Кныш за время нахождения в этой стране, и не спешил доверить ему свою жизнь. Что-то удержало его. Что? Он сам пытался разобраться в этом. Может, девушка? Что общего у Мухина с ней? Связь, дружба? А если настоящая любовь? Сам Крысюк не испытал такого чувства, но от других не раз слышал: на влюбившегося агента полагаться опасно.

Крысюк вернулся в гостиницу, отправил кому-то письмо до востребования и в ту же ночь покинул Сосновск.

Глава девятая

Задержание Скунса в Красногорске сразу же поставило перед работниками органов государственной безопасности крайне неотложную задачу – установить, кто такая пани Ядвига, у которой тот был на явке. Но найти хозяйку явочной квартиры пока никак не удавалось. Скунс клятвенно заверял – и, безусловно, лгал, что не может припомнить адреса или местоположения дома, в котором он нашел в Красногорске пристанище. Сигизмунд Васюкевич оказался исключительно недалеким, он и в самом деле, при всем его желании, ничем не мог помочь чекистам... Его встретила женщина и куда-то долго вела... А может, и не долго вовсе, а так ему показалось, он же спешил, нервничал, боялся, а в таком состоянии, как известно, минуту за час принять можно. Васюкевич не смог даже толком дать описание внешности встретившей его женщины: не то она молодая, не то пожилая, не то русоволосая, не то блондинка, – кто ее знает... С Васюкевичем побились некоторое время и отпустили на родину, в Польскую республику.

Агент иностранной разведки, проникший на один из наших заводов, пока что никак себя не проявлял. Однако и генерал Тарханов, и полковник Соколов отлично понимали, что затишье означало лишь одно: засланный на нашу территорию враг притаился для того, чтобы затем в полной тайне завершить задание посланной его разведки.

Безграничная любовь к родине, к своему народу, сознание долга, хладнокровие, целеустремленность, терпение – вот те качества, без которых нет подлинного чекиста. Тарханов, Соколов и их люди обладали этими качествами в полной мере. Они не бездействовали в ожидании, пока враг сам обнаружит себя, упорно искали его. Они внимательно изучили, чем могли заинтересовать иностранную разведку наши важнейшие предприятия, тщательно продумали и приняли меры к охране ряда объектов по специальному списку. В управлении генерала Тарханова скрупулезно рассматривались любые сведения, которые так или иначе могли иметь отношение к операции Патрика Смита.

И вот наконец поступило новое сообщение от Мухина – он доносил о двух кодированных радиogramмах: одну он принял для «дяди Сени», другую – передал в разведцентр от его имени. Личного контакта с Мухиным агент Патрика Смита пока не установил: первую шифровку радист оставил на указанном ему месте, в тайнике. Когда и кем она оттуда была взята – узнать, к сожалению, не удалось. А с шифровкой для разведцентра дело обстояло так – мужской голос по телефону и на этот раз предложил ему заглянуть в почтовый ящик. Там Кныш обнаружил шифровку и написанное на машинке распоряжение немедленно передать ее на известной ему волне.

Надо откровенно признать, Тарханов и Соколов основательно понервничали, пока специалисты бились над расшифровкой текста обоих посланий. Они боялись потерять драгоценное время. Ведь трудно было бы предположить, что человека, именно для связи перебросенного из-за границы, замаскированного и старательно оберегаемого, вдруг ни с того ни с сего побеспокоили по пустякам. Предчувствия не обманули. Содержание радиogramм оказалось важным. В первой сообщалось о том, что агент почему-то не перешел советскую границу в указанном ему пункте и не был на явке у пани Ядвиги. Резидента спрашивали, своевременно ли были агенту-связнику вручены интересующие разведку материалы. В ответной радиogramме чувствовалось явное беспокойство: «Аист» лично вручил связнику разведданные, и тот просил передать, что если не удастся почему-либо уйти за кордон там, где приказано, он постарается воспользоваться вторым вариантом. Но сумеет ли он осуществить свой замысел? Резидент просил немедленно проверить это, ведь при связнике – важные документы, и попадись они в руки чекистов – может быть сорвана вся операция.

Опять какой-то ребус, уравнение со многими неизвестными. Но Соколов и Тарханов обязаны в этой головоломке разобраться.

Поскольку снова всплыло имя Ядвиги, можно было предположить: речь идет все о той же операции, которой занимаются Патрик Смит и его резидент пан Юлиан. Теперь было ясно и другое – операция эта проводится разведкой в том районе, куда заблаговременно заброшен Кныш-Мухин. Что же это за операция? И другой вопрос: кто такой в действительности пан Юлиан? Вопросов возникало много. Но было известно, что до сих пор Патрик Смит занимался главным образом «космическими» делами, однако в районе, где иностранная разведка поселила Мухина и где, по-видимому, действует «дядя Сеня», нет ничего, имеющего хотя бы отдаленное отношение к космосу.

В своих показаниях Скунс утверждал, что направлялся к резиденту разведки по кличке пан Юлиан и что тот притаился на металлургическом заводе. Полковник Соколов установил – в районе, откуда в разведцентр послана шифровка, находится завод «Красный Октябрь», которому до сих пор полковник особого значения не придавал – предприятие сравнительно небольшое и ничем не примечательное. Но теперь положение могло измениться – может быть, именно на этом заводе и засел иностранный лазутчик. Да, но завод-то ничем не выделяется и к космосу не имеет никакого отношения! Снова пришлось приняться за изучение «Красного Октября»: что на нем могло привлечь к себе внимание шпионов? По мнению генерала Тарханова, интерес для Смита могла представлять главным образом работа инженера Шаврова, далекая от завершения, однако весьма важная по замыслу. О том, чем занимается инженер Шавров, полковник Соколов давно знал, но как занятию чисто теоретическому, особого значения не придавал.

И генерал Тарханов и полковник Соколов отлично понимали: если уж проведение операции поручено возглавить Патрику Смиту, значит, в зарубежной разведке придается ей первостепенное значение.

Поэтому переключать борьбу с опытными врагами на плечи местных органов государственной безопасности они поостереглись. Посылка туда оперативного работника из Центра тоже представлялась известным риском – приезд такого человека мог обратить на себя внимание агента Смита, насторожить его и усложнить или провалить все дело.

После обстоятельного обсуждения этого вопроса на оперативном совещании начальник управления принял решение: ехать на «Красный Октябрь» придется лично полковнику Соколову, посмотреть, разобраться в обстановке... Над тем, как ехать, следовало подумать дополнительно, пока было ясно лишь одно – придется прибегнуть к какой-то маскировке, абсолютно необходимой для успеха дела. И продумать ее надлежало со всей тщательностью. Предстояла схватка с врагом хитрым, коварным и... невидимым. В этих условиях действовать надо «не числом, а умением», вот почему генерал Тарханов остановил свой выбор на полковнике Соколове, имевшем богатый опыт работы в КГБ, человеке умном, проницательном, мужественном. А пока в управлении будут разрабатывать во всех деталях план посещения им завода, Соколову необходимо съездить в Красногорск, повидаться со Спорышевым и начальником контрольно-пропускного пункта подполковником Шелестом, обстоятельно побеседовать с ними, выяснить кое-какие детали по делу, проинструктировать их.

Он выехал скорым поездом, идущим в сторону границы, одетый в штатское. В купе был один. Курил и размышлял о предстоящем деле. С неожиданной досадой подумал о том, что если бы не постоянные происки иностранной разведки, ушел бы он давно «в гражданку» и стал бы преподавать студентам свой любимый предмет – историю, недаром же он в свое время окончил исторический факультет, получил степень кандидата наук. Однако жизнь сложилась иначе – и в мирное время приходится отбивать атаки врагов, атаки неожиданные и опасные. Чего, собственно, добиваются они, господа с Запада? К чему стремятся? Им нужна новая война, господство над миром. Об этом кричат не только недобитые гитлеровцы в ФРГ, но и фашисты

в Америке. Много миллионов человеческих жизней унесла прошлая война, а новая, только она начнись – опустошит планету ядерными взрывами, невиданной силы атомной радиацией; не будет при ней ни фронта, ни тыла, и адские силы истребления всего живого на земле трудно уже будет остановить.

Соколов посмотрел в окно. Там, еле различимые в ночной темноте, виднелись уснувшие селения, поля, а горизонт, казалось, придвинулся к самому оконному стеклу...

Новая – атомная, ракетная и термоядерная война... Опаленная чудовищным огнем безжизненная земля. Устремив в темноту остановившийся взор, полковник в волнении шептал стихотворение поэта из уничтоженной американцами Хиросимы – «Песок шестого августа». Он по-своему любил это мрачное произведение случайно оставшегося в живых японца, этот трагический гимн праху людей, превращенных в песок взрывом атомной бомбы. И сейчас, в минуты раздумий, он с затаенным гневом повторял:

*Я боюсь наступить на этот песок,
Словно это —
Клеточки тела живого.
Он струится, шуршит у ног
То умолкнет, то шепчет снова...*

Те, кто мечтают о безраздельном господстве над всем земным шаром, хотели бы в прах и тлен превратить нашу советскую землю. Это известно всем, но значительно меньше знают о другом... Задолго до того, как напасть на какую-либо страну, в нее засылают шпионов, убийц, диверсантов. Так делал Бисмарк, готовясь к вторжению во Францию, Наполеон – в Германию, кайзер – в Россию, Гитлер – на территории многих стран, особенно в Советский Союз... У американских разведывательных органов «работы» по горло: шпионаж на земле и в воздухе, лживая пропаганда, печатная и по радио дезинформация и клевета – все пущено в ход. На незримом фронте, ни на минуту не прекращаясь, идет война не на жизнь, а на смерть, и он, полковник Соколов, – солдат этого фронта.

Поезд стремительно мчался на запад. Было уже поздно. Полковник Соколов выключил в купе свет и лег спать. И последнее, о чем он сейчас подумал: как приятно встретиться со старым другом, Мишей Шелестом, вместе с которым когда-то отбивали нападение гитлеровских банд на границе. Были с ними тогда испытанные боевые друзья Егор Брянцев и Ефрем Ельшин, только те погибли смертью храбрых, отдали свои жизни за Родину возле самого Красногорска в первые же дни войны, а вот Соколов с Шелестом как-то уцелели и прошли с нашей армией с запада на восток при отступлении, и с востока на запад при наступлении, когда громили и уничтожали гитлеровцев, гнали их до Берлина. Хорошие были парни Брянцев и Ельшин, жаль – не увидели победы.

Глава десятая

Поздняя осень давала себя знать: пронизывающая сырость поднималась от мокрой земли; влажный воздух тяжелыми каплями оседал на лицах; сизый, как дым, туман струился меж кустарников, не спеша поднимался к низкому мутному небу. От Буга набегали порывы холодного ветра.

Подполковник Шелест озабоченно взглянул на свою спутницу... Часа два назад они уже проходили как раз этими местами, тогда он смалодушествовал и увел ее прочь. Показывал обожженные артиллерийским огнем стены крепости, рассказывал, кто и где отбивался от окруживших цитадель гитлеровских войск, сводил ее в музей обороны крепости, показал реликвии... Знал, что ведет себя глупо, и все же не мог иначе – дочь Егора Брянцева приехала неожиданно сегодня утром и сразу же потащила его сюда. Вот она идет рядом с ним, стройная русоволосая девушка с невероятно голубыми глазами на бледном лице и строго сжатых губами. Шелест даже не мог себе представить, что у Егора такая взрослая и к тому же такая красивая дочь... Он привык думать о погибших товарищах как о живых, привык, несмотря на прошедшие годы, чувствовать их рядом с собой, и только сегодня неожиданно понял, что, в сущности, этого мало, очень мало. Вечные дела по службе, долгие годы на Курилах – все некогда, а где-то шла жизнь вот этой девушки, дочки Егора Брянцева, и ему все недосуг было поинтересоваться, как она шла, эта жизнь, счастливо ли складывалась. Знал: был у Егора еще и сын, но где он, и кем стал, – о том ему неизвестно. Слышал – живут у близких родственников, и успокоился. А теперь вот стыдно перед этой уже взрослой девушкой. А главное, не хватило у него сегодня душевных сил привести ее туда, где погиб отец, и сказать: «Вот здесь». Он понимал, что произнести эти слова придется, и все мучился, как бы причинить ими поменьше боли ей, Егоровой дочке. Сквозь сырой туман и наползающую синь с реки он еще долго водил бы ее вокруг да около, но она круто повернулась и направилась туда, где виднелись обвалившиеся, заросшие высокой травой окопы. И он понял – иного выхода нет. Ссутулившись, повел к одному из них, обмелевшему и заброшенному, как и все другие. Девушка шла следом, все медленнее. Шелест молча обернулся: расширенными глазами она смотрела туда, вперед, и скорбно поднятые густые черные брови еще сильнее оттеняли мертвенную бледность ее лица. Он нахмурился и, шагнув на бруствер окопа, хрипло сказал:

– Здесь...

– Отец...

Она опустила на колени и погладила тяжелую от влаги, холодную землю. Слезы беззвучно падали на дно окопа, туда, где, не думая ни о жизни своей, ни о смерти, лежал когда-то ее отец, командир-пограничник Егор Брянцев и отстреливался от немцев, где он сложил голову, защищая Родину, близких и ее – свою дочь.

– Аня... – Шелест хотел сказать что-то в утешение, но понял, что слова сейчас не нужны; тяжело ступая, ушел в сторону: пусть поплачет, легче станет. На сердце у него было скверно.

Прошло много времени, а она все не поднималась с колен. Шелест тихо приблизился, тронул девушку за плечо.

– Вы ведь тоже были здесь? – произнесла она каким-то чужим, посуровевшим голосом, и Шелест понял: она хочет услышать от него о том, как это произошло. Осторожно поднял ее, заговорил:

– Оттуда, из-за реки, непрерывно была по заставе фашистская артиллерия. На пограничников обрушили фугасные бомбы с самолетов, нас обстреливали из всех видов оружия – гитлеровцы стремились подойти к крепости с этой стороны, а мы мешали. Когда в помещении заставы находиться было уже невозможно, бойцы отошли сюда, взорвали за собой мост и встали здесь насмерть... Смерть тогда тут кругом была, – Шелест широко, с отчаянием взмах-

нул рукой. – Гибли пограничники, но не сдавались. Меня ранило, опомнился уже в цитадели, товарищи туда «эвакуировали», а через несколько часов с оружием в руках с боем пробивалась наша группа на восток, к своим... – Шелест закашлялся, выговорил хрипло: – А отец твой... из этого самого окопа отбивался до последнего патрона... Тяжело раненного, схватили его гитлеровцы и расстреляли вот тут, где мы сейчас стоим.

Она с тоской посмотрела вокруг. Справа возвышались остатки земляных укреплений старой крепости, внешние обводы, слева местность понижалась к реке, скрытой отсюда поросшими травой невысокими холмами; позади, вдалеке, еле различался город с серой лентой грунтовой дороги, с тремя ветлами на повороте. А еще ближе, у края тропинки, – столбик с прикрепленной к нему дощечкой, на которой большими буквами выведено: «Пограничная зона. Вход без специального разрешения воспрещен».

Будто про себя, Аня шепнула:

– Тяжело раненного – добились... Звери!

Шелест сурово произнес:

– Ты должна гордиться своим отцом – он погиб, но не отступил.

– Горжусь... Но мне так тяжело, так тяжело, Михаил Емельянович! – слезы залили ее лицо, погасили блеск глаз.

Подполковник сказал:

– Памятник отцу твоему и его товарищам готовим, обелиск. Вот тут, на месте их смерти, и поставим.

– Спасибо вам, Михаил Емельянович.

– Мне-то за что ж спасибо? Народ так решил. Вот и Ваня Соколов, старый друг твоего отца... Слышала о таком?

– Соколов Иван Иванович, историк, как же, знаю, у меня и фотография есть, в альбоме, вместе с папой снят.

– Историк! Был историк, да давно весь вышел, – усмехнулся Шелест. – Соколов нынче полковник, отделом в Комитете государственной безопасности командует. Так вот, говорю, и он – как только приехал, прямо сюда.

– Разве Иван Иванович в Красногорске?

– Несколько дней уже, в командировку приехал. Я тебя с ним сегодня же познакомлю. Может, вместе с ним и поедешь обратно...

Аня промолчала, с напряжением всматривалась в приметы местности, точно на всю жизнь хотела запечатлеть их в своей памяти. Сквозь слезы, с тоской и будто удивляясь, сказала:

– Смотрю вокруг: луга, перелески, рядом – чистая широкая река...

Шелест сурово перебил:

– А река-то эта не так давно была красной от крови наших, советских людей.

– Это ужасно, – содрогнувшись, будто от озноба, продолжала Аня. – Сейчас здесь так спокойно... Почти невозможно представить себе, что произошло тут в те страшные дни... когда мой отец был еще жив, когда он лежал вот в этом окопе и понимал: спасения ждать неоткуда, жить осталось совсем немного. Ведь он понимал это?

– Понимал, – глуховато подтвердил Шелест. – Егор понимал другое: стоять надо насмерть и как можно больше убить фашистов. Все мы тогда думали только так.

Аня с необычной для нее жалостливостью выговорила:

– Наверное, вспоминал и о нас с мамой, он любил нас...

– А с мамой что? – уже догадываясь, спросил подполковник.

– Ее убили на моих глазах.

– Немцы?

– Нет. Бандит Крысюк.

– Как это случилось? – Шелест запоздало пожалел, что завел разговор о ее матери.

– В июне сорок первого отец отправил нас к знакомым на Западную Украину...

– Помню. И Ефрем Ельшин своих куда-то отправил, жену с сыном.

– Ельшины уехали на Волгу, а потом в Сибирь, – устало пояснила Аня, – а мы – на Западную Украину, поселились в двух шагах от границы. А через две недели – война, гитлеровцы оккупировали наш район, и началось такое... Многие ушли от грабежей и насилий в лес, в партизанский отряд Ржавского. Потом случилась беда – предал Ржавского его брат – Крысюк.

– Брат? – переспросил Шелест.

– Да, сводный брат. Молодой парень. Сначала-то он тоже был с партизанами, только недолго. Ночью как-то пришел в село, к своей дивчине, – немцы и схватили его. Крысюк не выдержал, все, что знал, – рассказал, стал изменником Родины. Он же и помог немцам расправиться с Ржавским – подстроил ему ловушку. Ну а после того окончательно продался немцам, сделали они его начальником полиции нашего района. В виде особого доверия гестаповцев допросы Ржавского вел лично Крысюк, он же сам и повесил его.

– Какая сволочь! – с ненавистью бросил подполковник.

– Кто-то донес Крысюку, что в селе скрывается жена командира Красной армии, и ночью он со своей бандой налетел... Меня люди успели спрятать, а маму он захватил... Так и осталось навсегда перед моими глазами то, что я видела в ту страшную ночь: у порога, в луже крови, – моя мать, а над ней с револьвером в руке Крысюк – зверского вида, пьяный.

– Гадина! – сказал сквозь зубы подполковник. – Рассчитались с ним партизаны?...

– Не успели. В сорок втором сбежал куда-то и как в воду канул.

– Ну, коли не сдох от партизанской пули, где-нибудь на помойке у американцев околачивается тот Крысюк, – с тихой яростью заметил Шелест и взглянул на девушку...

Стало быть, малышкой росла Аня у тех простых и честных советских людей, что спасли и приютили ее в украинском селе, и лишь после того, как прогнала Советская армия со своей священной земли гитлеровскую нечисть, попала в семью дяди своего, Василия Фомича – старшего брата отца. Но ведь у офицера Егора Брянцева был еще сын, с ним-то что случилось? Помните, его до войны отправили то ли в пионерский лагерь куда-то, то ли к родственникам. Как можно мягче Шелест осведомился об этом. И снова запоздало пожалел.

Василий Фомич Брянцев как родного сына воспитал племянника, дал ему образование, но немного больше года назад случилось несчастье: во время командировки, где-то в тайге, напали на молодого инженера сбежавшие из мест заключения уголовники... Сын Ефрема Ельшина – Виталий, вместе с которым он работал на Дальнем Востоке, рискуя жизнью, спас тогда друга. Однако тот вскоре умер от ран. Виталий Ельшин после этого случая оставил Дальний Восток, перевелся работать на завод, где директором Василий Фомич Брянцев. Много раз пыталась Аня расспрашивать его о подробностях нападения на ее брата в тайге, о том, как он, Виталий, вступился за него, отбил, на себе тащил в нанайское стойбище... Но Ельшин не любит говорить об этом, он без содрогания не может вспоминать о случившемся в глуши охотской тайги.

Незаметно для Ани Шелест увел ее от «Егорова окопа», пообещав еще не раз вместе с ней прийти сюда. Спросил, что за человек молодой Ельшин. Аня коротко сказала:

– Инженер-металлург, знающий, старательный.

– А как человек? – допытывался Шелест.

Она пожала плечами, вынула из сумочки небольшую фотокарточку, протянула ее подполковнику. С фото смотрел ничем не примечательный блондинистый парень, худощавый, с чуть прищуренными строгими глазами.

– Гм... – Шелест неопределенно пожевал губами. – Вы с ним друзья?

От него не ускользнуло смущение девушки. Будто оправдываясь, она сказала:

– Он – единственное, что у меня осталось на память о моей семье... Он рисковал жизнью, спасая моего брата... Да и у него никого здесь нет.

- А мать? – спросил подполковник.
- Она осталась где-то на Дальнем Востоке.

Щелест спросил прямо:

- Он вас любит, да?

Она нагнула красивую голову, отвернула от него не просохшее еще от слез лицо, тихо, сдержанно ответила:

- Да, он меня любит.

– А вы его? – Щелест сам не понимал, как это у него вырвалось, получилось не очень тактично.

Аня задумалась и неуверенно шепнула:

- Я тоже.

Однако ни гордости, ни душевного чувства в ее словах он не заметил. Ей, видимо, просто льстит, что в нее влюблен этот парень, способный инженер. С неуклюжей шутивостью Щелест попросил:

- Не забудь пригласить на свадьбу.

Она испуганно качнула головой:

- Свадьба? Да, да, Виталий так настаивает...

Глава одиннадцатая

Вечером подошел длинный товарный состав. Начальник станции просил Шелеста учесть его просьбу – поезд со срочным грузом должен уйти за границу без задержки.

– А когда мы задерживали? – недовольно проворчал начальник контрольно-пропускного пункта и наказал своим офицерам с особым вниманием произвести досмотр платформ, вагонов, груза, – вспомнил просьбу полковника Соколова.

Хвост состава уходил далеко от вокзала, в кромешную темноту позднего вечера. С беззвездного неба беспрерывно моросил дождь. Наряды пограничников под командой капитанов Клюева и Крапоткина проводили проверку, как всегда, аккуратно и быстро. Ничего подозрительного в товарных вагонах обнаружено не было. Часть состава представляла собой серию открытых тяжелых платформ, доверху нагруженных рудой. Пограничникам пришлось вооружиться щупами. Все как будто в порядке. Состав можно было, пожалуй, отправлять, тем более железнодорожное начальство ходило поблизости и умоляло не задерживать, – поезд и без того пришел с опозданием. Капитан Крапоткин, чернявый, худой, погладил усы, подумал и приказал пограничнику со служебно-розыскной собакой Балетом обойти вокруг поезда. Сначала собака бежала спокойно. По мере того как приближались к хвосту состава, становилась все беспокойнее, наконец у одной из платформ с рудой остановилась, понюхала воздух и, повизгивая, забегала взад и вперед. Капитан Крапоткин выхватил у одного из солдат щуп и занялся проверкой сам. Скоро щуп на что-то наткнулся. Теперь было ясно – под рудой оборудован тайник. Судя по реакции собаки, там прятался человек.

Несколько пограничников лопатами раскапывали руду. Тайник был устроен из досок и кусков фанеры. Нарушитель не стал дожидаться, когда с верхней доски уберут последний ком руды: он стремительно поднялся и прыгнул к краю платформы.

– Руки вверх! – скомандовал капитан Крапоткин.

Нарушитель – среднего роста, щуплый мужчина с искаженной злобой физиономией. Дула автоматов смотрели на него черными точками. Огромная овчарка с хриплым лаем рвалась с поводка у самых его ног.

Капитан Крапоткин повторил приказание. Злобную гримасу точно кто смахнул, на лице нарушителя вмиг появилось выражение растерянности и угодливости. С ненужной, подчеркнутой суетливостью он поднял руки и все тянул их вверх, как будто хотел что-то достать с близкого ночного неба. Не опуская рук, спрыгнул на землю. Оружия при нем не оказалось. Капитан Клюев сам осмотрел тайник и обнаружил в нем узелок с продуктами и книгу.

Капитан Крапоткин немедленно по телефону сообщил о нарушителе на КПП и получил распоряжение подполковника Шелеста без промедления доставить «трофей».

Когда в кабинет начальника контрольно-пропускного пункта ввели невзрачного вида мужичонку с крошечной головкой на длинной шее, там находились полковник Соколов и Аня Брянцева. Доложив о выполнении приказа, капитан Крапоткин положил на стол стопку бумаг и книгу.

– Что это? – спросил Шелест, придвигая находку к себе.

– Библия и выписка из книг религиозного содержания, – пряча в усы усмешку, пояснил Крапоткин. – Федор Иванович под рудой нашел. А вот и паспорт этого гражданина.

– Посмотрим... – Шелест принялся рассматривать документ. – Суздаев из Пермской области. Та-ак... Какие еще у вас документы имеются, гражданин?

– Никаких, – с испугом ответил задержанный.

Подполковник иронически посмотрел на него:

– Не запаслив. За границу пробираетесь, и без справочек? Как же так? Ведь там на слово не поверят.

Щупленький человек неожиданно закатил глаза, тоненьким голоском ханжески заголосолил:

– Человек как создание Господа Бога нашего очищению подлежит и доверию душевному... В Священном Писании сказано...

– Не юродствуйте! – рассердился подполковник. – Кто вас послал, к кому? С каким заданием?

Человек испугался, замельтешил:

– Да что вы, товарищ начальник! Сектант я, субботник.

Шелест сурово прервал:

– А по мне, хоть сам воскресник, извольте отвечать на вопросы, гражданин Суздалев.

Суздалев захныкал:

– Мы исстари по скитам жили... Лес дремучий, уральский...

– И куда же это вы решили из леса дремучего уральского податься?

– Глаголют братья: «Сатана грядет, с огнем адским, с шумом и рыканьем...» В Евангелии сказано: «Идите смело и остановите врага».

Аня внимательно разглядывала задержанного. Обернулась к полковнику Соколову, с которым уже успела за этот день подружиться, шепнула:

– Юродивый какой-то... Его бы в психиатрическую лечебницу.

Соколов усмехнулся:

– Почему?.. Он вот говорил о скитах, а вы, поди, «На горах» и «В лесах» Мельникова-Печерского вспомнили?

Аня смущенно покраснела:

– Честное слово, вспомнила.

Шелест тем временем продолжал допрашивать нарушителя:

– Где и кто помог вам спрятаться в платформе с рудой, устроить тайник?

Но тот, будто и не слыша, продолжал дискантом:

– И воссияет свет братской любви над миром...

Полковник Соколов строго сказал ему:

– Довольно балаган разводить! Вас спрашивают: кто вы, где жили, чем занимались, кто и к кому послал вас?

Мужичонка остановил на нем умоляющий взгляд, снова захныкал:

– С детства на ноги болезнь пала, потому немощен я, к движению не способен был. Всю жизнь в таежном селе, в глухомани, смысл Священного Писания постигал. Никого и ничего не знаю я...

Начальник КПП сурово прервал:

– Так и не скажете, кто помог вам спрятаться в руде? Может быть, тоже субботники? Не примечал их что-то в наших краях.

– Смысл Священного Писания постигал... – продолжал бормотать задержанный. – К движению не способен был...

Шелест с веселой насмешкой осведомился:

– Постигли, видать, смысл Священного Писания, и сразу задвигались? То из деревни ни ногой, а тут за тысячи километров маханули! И как только дорогу к нам нашли... Ну, рассказывайте все, как есть.

Нарушитель прибег к прежней увертке: поднял глаза к потолку, напевно тоненьким голоском заныл:

– Неверие проникло в сердца людей... в Евангелии сказано...

– Евангелие оставьте в покое и отвечайте по существу! – приказал Шелест, начиная сердиться.

Аня сказала Соколову шепотом:

– Ей-богу, он психически ненормален.

– Возможно, возможно, местному начальству виднее, – усмехнулся Соколов.

Нарушитель продолжал свое:

– За границей любимого отечества нашего мыслил я найти учеников себе, приверженцев секты.

– Да ну? – удивился Шелест. – А скажите-ка мне, как это вы собирались тех учеников себе вербовать, не зная иностранных языков, а?

Суздаев растерялся.

– Заранее ответа не придумали? – подполковник тихо рассмеялся.

– В Евангелии на сей счет, по-видимому, разъяснений нет, – улыбнулся Соколов.

Шелест опять обернулся к Суздаеву.

– Итак, по вашим словам, вы сектант-старовер, всю жизнь вашу безвыездно жили в глухой лесной деревушке, потом загорелись желанием направить на путь истинный кого-то по ту сторону границы и с этой целью пытались уйти за кордон. Так я вас понял?

– Истинно так, товарищ начальник.

– Суета мирская, смотрю, и вас заела, раб божий. Эдакий стилияга!

Суздаев с изумлением обозревал свое выдавшее виды, измятое в тайнике, грязное пальтишко.

– Шутите, товарищ начальник, – проговорил он не очень уверенно.

– Ничуть. – Шелест приказал Крапоткину: – Проверьте.

– Слушаюсь! – Капитан, ловко просунув руку под пальто задержанного, резким движением потянул за «плечики» и подал их начальнику. – Почти и не были пришиты, товарищ подполковник.

Шелест вспорол материю, и на стол посыпались бумажки.

Потухшим голосом, выгадывая время, нарушитель будто декламировал:

– В Евангелии...

– Прекратить! – сурово приказал Шелест, и тот затих, настороженно исподлобья осматриваясь.

На некоторое время воцарилось молчание. Шелест бегло осматривал документы и передавал их полковнику Соколову.

– Все ясно. Вот и второй экземпляр паспорта.

Нарушитель решил переменить тактику.

– Что вам ясно? Что? – истерически завопил он. – В чем вы меня обвиняете?

– Помолчите, – оборвал его Шелест. – Что нам ясно? – Он зло прищурился. – Во всяком случае, ясно, что вы зря корчите из себя слабоумного. Ни в каких скитах вы не постились, в годы войны очутились в гитлеровской Германии...

– Я не служил в армии.

– В советской – возможно, но у немцев-то вы служили, из документов это понять нетрудно. Так-то, раб божий. Дальше, Урал вы приплели напрасно. И вы – не Суздаев, а Дергач, родом с Волыни. Кстати, вы здесь, у нас, уже второй раз, гражданин Дергач.

– Да? – Соколова все более интересовывал этот субъект.

Шелест пояснил:

– Год назад он проезжал через наш город под видом репатриированного.

– Вы ошибаетесь, – возразил Дергач. – Пальто это я купил на рынке.

– Когда?

– Всего неделю назад.

– Допустим. Но вот билет от Свердловска, где вы последнее время жили, до Калининграда.

– Я ничего не знаю!

– Возможно, возможно... Ведь пальто вы купили всего неделю назад. Но вот другой билет, уже от Калининграда к нам сюда, и он приобретен в кассе калининградского вокзала позднее. Как же он попал к вам, да еще оказался припрятан вместе с другими документами, от которых вы отрещиваетесь?

– Не знаю, ничего я не знаю, – скороговоркой забормотал Дергач. – Зачем мне собирать какие-то старые билеты?

Шелест насмешливо передернул плечами:

– Это уж вам лучше знать, гражданин.

– В самом деле, зачем ему старый билет? – с недоумением обратилась Аня к полковнику Соколову.

– Ну, это объяснить просто, – улыбнулся полковник. – Дергач не явился на условленное свидание с кем-то в Калининграде или где-то в его окрестностях и боится быть обвиненным в невыполнении приказа своего хозяина... Он отлично знает, что за такие штучки по головке не поглядят, наоборот, можно вовсе остаться без головы. Вот он и вынужден таскать этот использованный железнодорожный билет в качестве доказательства того, что в Калининграде он был, но выполнить приказ не имел возможности. За кордоном народ недоверчивый, этот билет Дергачу просто необходим.

Теперь Соколов был почти уверен, что в радиограмме разведцентра речь шла о Дергаче, который почему-то не явился на условленную встречу в районе Калининграда и вынужден был прибегнуть ко «второму варианту» – зарыться с чьей-то помощью в руду, надеясь таким образом улизнуть из Советского Союза. Соколов вспомнил о просьбе, по-видимому, пана Юлиана, тщательно проверить, не попал ли агент-связник в руки чекистов. Использованный железнодорожный билет от Свердловска до Калининграда помог Соколову понять многое.

– Значит, так: в Калининграде не удалось проскользнуть, решили попытаться счастья у нас? – произнес Шелест, продолжая рассматривать обнаруженные документы. – Задание выполнили, надо возвращаться?

– Какое задание, товарищ начальник, нигде я не был...

– Ну, ну, перестаньте врать, да еще так неумно: у меня же в руках ваш липовый паспорт на имя Суздалева, а в нем черт знает сколько отметок о вашем проживании в различных городах. Тут и Ташкент, и Тбилиси, и Баку, и Иркутск... И все в разных концах страны. Эк вас носило! А еще плели здесь о лесах дремучих уральских... Та-ак, посмотрим, что в ней, – Шелест взял со стола отобранную у задержанного автоматическую ручку. – Э-э, да она у вас без чернил. – Он быстро вынул из ручки гуттаперчевый баллончик, посмотрел на свет электрической лампы. – Тут что-то есть. – Вскрыл баллончик и вынул из него микропленку. – Вот все и ясно – какие-то снимки, чертежи, цифры. – Повернулся к Крапоткину. – Еще раз произведите личный обыск и передайте в областной отдел госбезопасности, теперь пусть с ним там разговаривают.

– Слушаюсь, – козырнул капитан и приказал задержанному идти.

– Я все равно ничего не скажу, – крикнул Дергач новым для него, грубым и злобным голосом.

– Только без истерик! – прикрикнул Шелест. – Идите!

Уже с порога Дергач, задыхаясь от душившей его злобы, предупредил:

– Показаний давать не буду. Слова из меня не выжмете.

Дверь кабинета за ним захлопнулась. Соколов пристально из-под мохнатых бровей посмотрел на Аню, пошутил:

– Зря мы с вами Мельникова-Печерского вспомнили, а?

– Выходит, так. Второй раз вижу в лицо гнусного врага. Крысюк, и вот этот... Дергач. Михаил Емельянович, – обратилась она к Шелесту, – я, пожалуй, пойду к себе, отдохну.

– Правильно, поздно уже. Мы с полковником еще задержимся, а вам пора. Капитан Клюев, – приказал он, – проводите Анну Егоровну к моей машине.

– Слушаюсь, – и капитан Клюев с обычной для него доброй улыбкой повернулся к девушке.

Когда они вышли, Соколов озабоченно сказал:

– Дергача надо немедленно отправить в Москву, в распоряжение Комитета государственной безопасности, – насколько я понимаю, он-то мне и нужен.

– Выходит, ты мечтал об этой встрече? – удивился Шелест.

– Именно, мечтал; этот прохвост – ключ к важному делу, которым я давно занимаюсь.

– Ключ, говоришь? – усомнился Шелест.

– Думаю, что да. Ну, ты оставайся, а я пойду к начальнику областного управления, надо кое о чем условиться – ведь не сам же себя этот Дергач посадил в тайник, а поверх засыпал рудой, кто-то же помог ему в этом. До завтра, Миша. – Он крепко пожал приятелю руку и покинул помещение КПП.

На улице было темно. С деревьев падали холодные капли недавно прошумевшего дождя.

Он шел и думал... События последних нескольких часов создали совершенно новое положение. Предположение о том, что резидент иностранной разведки обосновался на заводе «Красный Октябрь», постепенно перешло в уверенность. Лесник Васюкевич, брат того парня, которого отсюда, из Красногорска, некая пани Ядвига пыталась под видом помощника польского машиниста Яна Войцеховского переправить за границу, много лет работал тоже в непосредственной близости от этого металлургического завода. Пани Ядвигу майор Спорышев до сих пор не нашел, что же касается старшего Васюкевича – сведения о нем не оставляли желать лучшего: честный человек, участник битвы под Сталинградом, имеет правительственные награды. Так что в отношении его сомнений не было. Важнее другое: нашелся кто-то, кого установить, к сожалению, районное отделение КГБ не сумело, кто «организовал» всю эту аферу с переправой младшего Васюкевича через советскую границу, чтобы таким образом сделать незаметным появление на нашей территории Скунса. Из этого факта вытекали по крайней мере три важных обстоятельства. Человек, сумевший убедить Сигизмунда Васюкевича в том, что иначе репатриироваться на родину он не сможет, связан с агентом иностранной разведки в Красногорске пани Ядвигой, ведь та лично встретила молодого поляка и отправила в дорогу. Проводилась вся эта операция специально для того, чтобы помочь Скунсу пробраться на нашу территорию. А известно, что Скунс шел к человеку Смита на заводе, пану Юлиану. Не справедливо ли предположить, что сам же пан Юлиан и организовал это дело, заморочив голову Васюкевичу-младшему? К сожалению, назвать имя того человека Васюкевич категорически отказался, опасаясь за жизнь своего старшего брата. Ну и затем, ясно, что человек, поддерживавший тесный контакт с домиком лесника – а молодой Васюкевич жил у своего брата, – должен, естественно, проживать где-то поблизости от этого домика, а стало быть, и неподалеку от завода «Красный Октябрь». Совокупность фактов не оставляла сомнений: человеком этим был именно резидент разведки на «Красном Октябре». Сегодняшняя встреча с Дергачом подтвердила не только это, но и другое, что в какой-то мере было неожиданным: пан Юлиан действовал активно и дело, которым он занимался, пользовалось исключительным вниманием Патрика Смита. Почему, какое оно имеет отношение к «космическим» проблемам – оставалось пока неясно. В основном все это было понятно полковнику Соколову еще до приезда в Красногорск. События сегодняшнего дня поставили его в несколько непредвиденное положение. Так, в Комитете было решено, что на «Красный Октябрь» отправится лично Соколов. Сегодня неожиданно выяснилось, во-первых, что с недавнего времени директором завода там работает Василий Фомич Брянцев, родной брат Егора, отца Ани, а в семье Брянцевых Ваню Соколова знали издавна. Правда, знали как специалиста-историка, преподавателя вуза, к тому же с ним давно не встречались, но все же... Затем – ничего не подозревавший Шелест сегодня представил его Ане Брянцевой не только как старого друга ее отца, но и как ответственного работника Комитета, как полковника КГБ, приехавшего в Красногорск в командировку. Откуда

же Шелесту было знать, что этим он ставит Соколова в затруднительное положение? Однако теперь, когда Аня знает, кто он такой, надо что-то придумать. Что именно? А ехать на «Красный Октябрь» необходимо как можно скорее: никто не мог поручиться за то, что агент Смита в Красногорске не следил за Дергачом и не заметил, что того постигла неудача. А если это так, пан Юлиан будет об этом знать в ближайшее время и ускорит операцию на заводе. Рисковать нельзя – как можно скорее на «Красный Октябрь»! Как все-таки быть с Аней? Соколов твердо решил: раз уж скрыть от нее все он не может, остается одно – сделать ее своей помощницей. Завтра утром надо поговорить с ней.

Глава двенадцатая

Аня пробыла в Красногорске несколько дней. Посещение мест, где проходил фронт, окоп, в котором сражался и погиб ее отец, сердечное отношение к ней подполковника Шелеста и полковника Соколова, старых боевых товарищей отца, произвели на девушку неизгладимое впечатление. Запомнились ей и другие встречи, особенно с Дергачом. Зловещие эти встречи вселили неосознанную тревогу в сердце Ани: оказывается, в мире, ее окружающем, не так спокойно, как ей представлялось. Девушке неожиданно пришлось приобщиться к той самой тайной войне, о которой она слышала, но в которую не очень верилось. Как-то сама собой возникла внутренняя потребность быть строже, подтянутой. Беседа, которую имел с ней полковник Соколов, доверие, оказанное ей, закрепили состояние внутренней собранности Ани и сознание серьезности положения. Соколов, естественно, не посвящал ее в подробности шпионской операции, он просто сказал, что в связи с важным оперативным заданием должен посетить «Красный Октябрь», и откровенно поделился трудностями, возникшими при этом. Беседа приняла форму делового обмена мнениями. Аня предложила свой план: в Красногорске она его встретила случайно, он – научный работник, историк, возвращался из поездки за границу; у него сейчас творческий отпуск; как старого друга отца она пригласила его посетить ее и семью Василия Фомича Брянцева; он сначала отказался, но потом согласился в ближайшее время приехать. Так она скажет дома, подготовит его приезд на завод. Соколову план Ани понравился. Единственное, над чем ему пришлось подумать, – стоит ли раскрывать свое настоящее лицо, свое служебное положение Василию Фомичу. Аня считала это совершенно необходимым и, после размышлений, Соколов был вынужден с ней согласиться. Но условились, что с Брянцевым Соколов объяснится сам, когда приедет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.